18+

УОРИК ДИПИНГ

СОРРЕЛЛ И СЫН

ФИЛЬМ ПО РОМАНУ
НОМИНАНТ НА ПРЕМИЮ «ОСКАР» (1929 ГОД)

КЛАССИКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Уорвик Дипинг

Соррелл и сын

«Издательские решения»

Дипинг У.

Соррелл и сын / У. Дипинг — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.«Соррелл и сын» — пронзительный и глубокий роман Уорвика Дипинга, ставший бестселлером межвоенной эпохи. Это трогательная история о самопожертвовании, отцовской любви и невероятной стойкости духа. Прошедший Первую мировую войну капитал Стивен Соррелл остается без средств к существованию и брошенный женой. Голливудская адаптация 1927 года Герберта Бренона была номинирована на премию «Оскар».

© Дипинг У.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА 6
ГЛАВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ 7
Кристофер «Кит» Соррелл 8
Дора Соррелл 9
Фанни Гарланд 10
Томас Роланд 11
Молли Роланд 12
ГЛАВА I 13
ГЛАВА II 22
ГЛАВА III 28
ГЛАВА IV 34
ГЛАВА V 41
ГЛАВА VI 47
ГЛАВА VII 53
ГЛАВА VIII 57
ГЛАВА IX 63
ГЛАВА X 66
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Соррелл и сын

Уорвик Дипинг

Переводчик Владимир Владимирович Давыдов

© Уорвик Дипинг, 2026
© Владимир Владимирович Давыдов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-7319-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Роман Уорвика Дипинга «Соррелл и сын» вышел в 1925 году и стал одним из самых известных произведений писателя. Это книга не столько о внешних испытаниях, сколько о достоинстве человека, который после войны оказывается в мире, где прежние заслуги почти ничего не значат. Стивен Соррелл возвращается к мирной жизни бывшим офицером, но главным делом для него становится уже не служба и не карьера, а судьба сына.

В центре романа — редкая для литературы того времени история отцовской самоотверженности. Соррелл не произносит громких речей о жертве и долге. Он просто работает, терпит унижения, учится заново строить жизнь и шаг за шагом создаёт для Кита возможность стать тем человеком, которым тот способен стать. Поэтому взросление сына здесь неотделимо от внутреннего пути отца: успех Кита для Соррелла — не награда извне, а результат всей прожитой жизни.

Дипинг показывает послевоенную Англию через повседневность: гостиницы, дешёвые комнаты, тяжёлый труд, социальные различия, новые нравы и медленное возвращение людей к нормальной жизни. На этом фоне особенно ясно звучит одна из главных тем романа — человеческое достоинство не определяется должностью, деньгами или общественным положением. Оно проявляется в том, что человек делает, когда обстоятельства лишают его привычной опоры.

При подготовке настоящего русского текста моей задачей было сохранить спокойную, сдержанную интонацию Дипинга, не превращая её ни в современную разговорную прозу, ни в нарочито архаический перевод. Особое внимание уделялось диалогам, психологическим переходам и тем местам, где внешне простая фраза несёт основную эмоциональную нагрузку сцены. Имена, географические названия и реалии эпохи переданы так, чтобы русский текст читался естественно, но сохранял английскую атмосферу 1920-х годов.

«Соррелл и сын» — роман о цене любви, которая почти никогда не называет себя любовью. О воспитании без назидания. О труде как форме верности. И о том, что настоящий результат человеческой жизни иногда продолжается уже в другом человеке. Именно поэтому история Стивена и Кита спустя столетие сохраняет свою силу.

Владимир Давыдов

ГЛАВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Основные действующие лица романа Уорвика Дипинга «Соррелл и сын».

Стивен Соррелл

Главный герой, бывший капитан британской армии, интеллигентный и гордый человек. Пройдя Первую мировую войну и столкнувшись с безработицей и нуждой, он ради будущего сына готов на тяжёлую и унизительную работу, чтобы дать Киту образование.

Кристофер «Кит» Соррелл

Сын Стивена. В начале романа он ещё мальчик, но по ходу повествования вырастает в целеустремлённого молодого человека, получает медицинское образование и становится врачом.

Дора Соррелл

Жена Стивена и мать Кита. В начале истории она оставляет мужа и сына ради другой жизни, а спустя годы неожиданно возвращается.

Фанни Гарланд

Добрая и понимающая женщина, которая становится верным другом Стивена Соррелла и играет важную роль в его жизни.

Флоренс «Фло» Палфри и Джон Палфри

Супружеская пара, с которой Сорреллу приходится столкнуться в тяжёлый период своей жизни. Фло — властная и грубая женщина; Джон — её слабохарактерный, спивающийся муж.

Томас Роланд

Состоятельный человек и друг семьи Сорреллов на более позднем этапе повествования. Он поддерживает Стивена и Кита и становится одним из близких им людей.

Молли Роланд

Умная, самостоятельная молодая женщина, связанная с семьёй Роландов. Она становится возлюбленной, а затем женой Кита Соррелла.

ГЛАВА I

Соррелл пытался застегнуть ремни небольшого коричневого чемодана, но чемодан был старый и к тому же набит до отказа, поэтому обращаться с ним приходилось осторожно.

— Иди-ка сюда, Кит, сядь на него.

Мальчик сидел верхом на стуле у окна и разрывался между двумя одинаково интересными занятиями: наблюдал за тем, как отец воюет с чемоданом, и за футбольной игрой на Лавендер-стрит, где гоняла мяч стайка чумазых и оглушительно вопивших мальчишек. Кристофер подошёл и уселся на чемодан. Это был смуглый одиннадцатилетний мальчик с серьёзным лицом, которое вдруг могло озариться удивительно приятной улыбкой. На согнутых коленях его брюки уже успели залосниться.

— Тут осторожность нужна, понимаешь, — сказал Соррелл.

Тёмная голова отца оказалась рядом с каштановой головой сына. Синий саржевый костюм Соррелла тоже блестел от долгой носки. Высокий, худой, он склонился над чемоданом, тревожно ссутулив плечи; лицо его было желтоватым, напряжённым. Рядом со свежим, живым мальчиком отец казался особенно усталым и хрупким.

— Теперь второй, старина. Резко тянуть нельзя. Потихоньку. Вот так.

Он слегка запыхался и, осторожно натягивая ремни, говорил короткими, отрывистыми фразами. Если ремень лопнет — это будет катастрофа: замок давно не работал. И страх перед этой пустячной бедой словно передался длинным умным пальцам Соррелла. Они двигались бережно и вместе с тем лихорадочно. В тишине комнаты было слышно его дыхание.

— Ну вот.

В этих двух словах прозвучало облегчение. Соррелл стоял на коленях и, подняв голову к окну, увидел полоску неба и грязноватый карниз серой шиферной крыши дома напротив. Вся его поза напоминала животное, которое пытается выскользнуть из-под занесённой над ним огромной ноги. Последние три года, с самой демобилизации, жизнь представлялась Соррелу именно таким чудовищем — огромным, тяжёлым, готовым растоптать его, а сам он был маленьким существом, мечущимся в грязи, задыхающимся, растерянным, озлобленным и испуганным.

Но сейчас чемодан наконец был перетянут ремнями. Они ускользали из-под тени чудовища. Неожиданно появилась возможность спасти последний сшитый на заказ костюм, мальчика и остатки того, что Соррелл привык называть своей респектабельностью. Ужасное слово! Он погладил маленькие чёрные усы и посмотрел на чемодан.

— Ну вот, сын. С этим покончено.

Он чуть заметно улыбнулся, и Кит немедленно ответил ему сияющей улыбкой. Для мальчика отъезд из этой отвратительной комнаты на отвратительной улице был началом великолепного приключения: они ехали за город.

— На него надо бирку повесить, папа.

— Обязательно. «Соррелл и сын. Пассажиры. Стонтон».

— А как чемодан попадёт на вокзал?

Соррелл поднялся и стряхнул пыль с колен. Каждый вечер он аккуратно складывал брюки и клал их под матрас, чтобы сохранить стрелки.

— Я договорился с мистером Сокинсом. Он заберёт его утром и оставит в камере хранения.

Соррелл всё ещё следил за стрелками на брюках и пока не дошёл до той степени безразличия, когда человек способен как ни в чём не бывало таскать собственный багаж. Существовали вещи, которые он делал, и вещи, которых не делал. Он был джентльменом. Правда, общество едва не столкнуло его с узкой полки сознания собственной принадлежности к определённому классу — туда, вниз, в беспорядочную толпу случайных рабочих и безработных. Но Соррелл, уже повиснув на одних руках, всё-таки отказался разжать пальцы. Отсюда и мистер Сокинс. И тележка зеленщика мистера Сокинса, которой предстояло доставить багаж семейства Сорреллов.

— Во сколько поезд, папа?

— В десять двадцать.

— А в Стонтон когда приедем?

— Около трёх.

— А жить мы где будем?

— Сначала сниму комнату, а потом договорюсь с мистером Верити. Возможно, он захочет, чтобы мы жили над… над магазином.

Иногда рядом с сыном Соррелл испытывал мучительную неловкость. Образ, который он когда-то создал для Кристофера, возник ещё во время войны и каким-то образом пережил всё последующее: унижения, голод, обтрепавшуюся одежду и мелодраматическое исчезновение матери Кристофера. Соррелл повернулся к зеркалу на туалетном столике и пригладил тёмные волосы. «Над… магазином». Да, произнести это слово оказалось нелегко. «Капитан Соррелл, Военный крест».

В глазах Кристофера он хотел навсегда остаться капитаном Сорреллом, кавалером Военного креста. И потому ему вдруг захотелось объяснить мальчику, что магазин мистера Верити — вовсе не обычная лавка. Мистер Верити торговал антиквариатом. В этом деле были свой аромат, свой особый привкус: оно пахло лавандой и высохшими лепестками роз, а не сыром и мясом. Да и сам мистер Верити, судя по всему, был человеком необычным: старый холостяк, предпочитавший видеть своим помощником человека воспитанного и хорошего происхождения. К тому же Верити оказался сентименталистом — сентименталистом-патриотом. Он переписывался с Ассоциацией бывших офицеров, и через неё Стивену Сорреллу предложили это место.

Теперь Соррелл ехал в Стонтон выяснить, смогут ли они с мистером Верити поладить. Он поправил концы галстука-бабочки и задумался о Кристофере и антикварной лавке. Стоит ли говорить с мальчиком откровенно или лучше поддерживать иллюзию, будто они стоят несколько особняком от обыкновенного мира? Можно сказать, что он вступает в дело с мисте-

ром Верити. В конце концов, в наши дни магазин — особенно антикварный — это даже вполне модно.

Его размышления прервали вопли с улицы. Кто-то забил гол, а кто-то другой категорически отказывался признавать этот гол честным.

— Чёртовы мальчишки! — пробормотал Соррелл.

И посмотрел на собственного сына.

— Папа.

— Да?

— Я в Стонтоне буду ходить в школу?

— Разумеется. Думаю, там есть грамматическая школа. Когда всё улажу с мистером Верити, займусь и этим.

— Это будет школа для джентльменов, папа?

— Конечно. Об этом мы обязательно позаботимся.

В их приключении наступило затишье. В последний лондонский вечер им больше нечего было делать, а тёплыми вечерами Лавендер-стрит пахла совсем не лавандой. Запахи здесь были многочисленны и до уныния обыкновенны: домашний дух варёной капусты и жареной рыбы смешивался с запахом конского навоза и прогорклого жира. Улица была душной. Одежда и тела большинства её обитателей источали застарелый запах пота. А мальчику уже чудился запах деревни.

— Давай выйдем.

— Куда?

— Пойдём посмотрим на реку.

Они вышли и почти сразу угодили в самую гущу ватаги мальчишек, которые орали все разом и пытались пинать набитый бумагой кусок мешковины. Кита толкнули на отца, но мальчик, несмотря на свою чувствительность, оказался крепким: ответным толчком он отправил одного из самых горластых игроков прямо в канаву. Тот немедленно забыл об обидчике, потому что пришлось спасаться от ног остальных. Соррелл заметил, что сын покраснел. Кит остро ощущал своё отличие от детей Лавендер-стрит. Ему было неприятно даже их прикосновение.

— Завтра мы отсюда выберемся, сын.

— Я рад, — сказал мальчик.

Соррелл думал о том, где будет учиться Кристофер. Эти мысли не оставляли его и тогда, когда они остановились посреди Хангерфордского моста и, облокотившись на железные перила, стали смотреть на реку. До сих пор мальчику приходилось ходить в муниципальную школу. Кит ненавидел её, и Соррелл тоже — только причины у них были разные. Для отца это был вопрос уязвлённой гордости; для сына — необходимость постоянно соприкасаться с грубыми детьми. А Кит грубым ребёнком не был. Он обладал всей той брезгливой чистоплотностью мальчика, которого научили умываться, пользоваться носовым платком и не вопить каждому «жулик!» в самый разгар игры.

Соррелл стоял, погружённый в свои мысли, и всё же видел, как оживилось лицо сына, наблюдавшего жизнь реки: прогулочный пароход шёл вверх по течению, человек налегал на длинное весло баржи, полицейский катер направлялся к серым аркам моста Ватерлоо. Для Соррелла всё это было бесконечно знакомым и вместе с тем мучительно чужим. Мягкий серый воздух, пронизанный бледным солнечным светом, напоминал множество прежних вечеров — и всё-таки насколько всё стало другим! Внутренний взор смотрел сквозь глаза человека, стоявшего на мосту.

Именно отсюда Лондон всегда казался ему особенно прекрасным — величественный город, словно плывущий вдоль изгиба реки. Он любил сине-чёрные сумерки и огни, тусклый купол собора Святого Павла, похожий на половину волшебного пузыря, старые башни, крас-

новатые стены пивоварни «Лайон», великолепие «Сесила» и «Савоя», зелень садов Чаринг-Кросс. Он вспомнил, как когда-то ужинал и танцевал в «Савое». Какие просторные были времена!

Хаки. Женщины, которые в те жадные до жизни ночи, когда его отпускали с фронта, казались чем-то большим, чем просто женщины. Одалиски! Женщины… С женщинами он покончил. Он вспомнил вечер, когда привёл в «Савой» жену. Два года назад она ушла от него, и её уход словно поставил на нём клеймо жалкого неудачника. Ей даже не пришлось произносить этих слов. А потом — вся послевоенная свалка. Разочарование. Исчезновение прекрасных и глупых надежд. Женщины, уходившие к богатым мужчинам, которые во время войны оставались дома. Растерянность. Горькое ощущение несправедливости — будто пролитую кровь теперь жадно высасывал обезумевший от денег материализм.

Соррелл посмотрел на сына. «Да, это просто свалка, — подумал он. — Но свалка организованная. Главное — удержаться на ногах, драться и не позволить затоптать себя в давке. Слава богу, у меня только один ребёнок». Кит стоял рядом, подняв голову и держа кепку в руке. Он чему-то улыбался — живой, нетерпеливый мальчик с ясными глазами и свежим лицом. Для него приключение жизни только начиналось. Река и город представали перед ним во всём великолепии своей силы и таинственности. «Савой» и «Сесил» ещё были дворцами огромного, неизведанного мира. И Соррелл, поглощённый суровой борьбой за существование, внезапно почувствовал глубокую нежность к сыну.

«Наверное, это тоже эгоизм, — подумал он. — Но я постараюсь дать ему в этой свалке лучший шанс, чем достался мне. В конце концов, теперь мы хотя бы честнее признаём собственный эгоизм. Речь уже не о том, чтобы любить ближнего своего, а о том, чтобы сделать для него опасной саму попытку сбить тебя с ног. Совместная торговля, организованное хватание. Только торговаться надо, имея в руках хоть какое-нибудь оружие». Стоя рядом с сыном и глядя на свет и движение реки, Соррелл чувствовал себя безоружным. Что он собой представлял? Пару рук да довольно слабое тело в поношенном костюме. Он вспомнил свои раны — раны тела и души.

И встретился взглядом с улыбающимся Китом.

— Слушай, папа, а в Стонтоне есть река?

— Маленькая.

Соррелл подумал, что место у мистера Верити, возможно, тоже окажется совсем маленьким. Но всё-таки это было место. Хотя бы крошечная ниша на отвесной стене жизни.

2

Соррелл и сын прибыли в Стонтон около трёх часов пополудни. Среди грохота пустых молочных бидонов Соррелл обратился к носильщику, который вытаскивал их коричневый чемодан из багажного вагона, но тот либо не услышал его, либо не пожелал услышать.

— Будьте добры, осторожнее с ним. Ремни…

Носильщик рывком вытащил чемодан из вагона и с размаху шлёпнул его на платформу. Чемодан, словно предатель Иуда, тут же разверзся и выбросил на асфальт часть своего содержимого. Соррелл печально посмотрел на него.

— Не следовало так делать.

Это было дурным предзнаменованием. Он наклонился, подобрал ботинок, одёжную щётку и жестянку с табаком и принялся заталкивать обратно в зияющее нутро чемодана смятую, неприглядную рубашку, которую давно следовало постирать. Носильщика внезапно замучила совесть, и он присел рядом, чтобы помочь.

— Сейчас найду кусок верёвки. Видать, ремни совсем прогнили у швов.

Кристофер молча наблюдал, как отец и носильщик оказывают первую помощь их несчастному багажу. Случившееся задело мальчика. Он заметил выражение отцовских глаз и каким-то образом почувствовал: это не чемодан раскрылся, выставив напоказ жалкую груду

вещей, — словно сам отец вдруг распахнулся перед чужими взглядами, обнажив все свои болезненные и унизительные заботы. Бедный папа! Но к жалости сына примешивалась гордость за него.

Соррелл тем временем решил извлечь пользу из раскаяния носильщика. Ещё до прибытия в Стонтон он пересчитал оставшиеся деньги. В кармане у него было тринадцать шиллингов и пять пенсов.

— Вы случайно не знаете, где здесь можно снять жильё? Чистое, но не слишком дорогое.

Носильщик затягивал верёвку вокруг чемодана.

— Остановиться хотите? А какое жильё вам нужно?

— Я поступаю здесь на службу. Нужна комната для меня и мальчика — чтобы можно было и спать, и жить. Самая простая вполне подойдёт…

— У меня тётка сдаёт комнаты, — сказал носильщик. — Есть одна наверху, под самой крышей. Флетчерс-лейн. Отсюда и ста ярдов не будет.

— А кормить нас она сможет?

— Еду готовить?

— Да.

— Может, и согласится. Знаете что, я минут через десять сменяюсь. Покажу дорогу.

— Буду вам очень признателен.

Соррелл отдал ему последние пять пенсов.

— Благодарю, сэр. А эту штуковину я сам вам донесу. На плече.

Дом номер семь на Флетчерс-лейн принял Сорреллов и разместил их в большой комнате чердачного типа под самой крышей. Из слухового окна были видны башни собора и деревья вокруг него, а между собором и окном дома номер семь теснились крыши и дымовые трубы всех оттенков красного, серого и коричневого. Комната была чистой. На кровати лежало белое покрывало, посередине пола — квадрат линолеума, а перед жёлтым умывальником — ещё один, поменьше. Комод лишился одной ножки и почти всей краски; открывая верхний ящик, приходилось упираться коленом в нижние, иначе всё сооружение грозило опрокинуться вперёд. Хозяйка спросила Соррелла, не желает ли он чаю. Он посмотрел на наручные часы.

— Мне сначала нужно выйти. В половине шестого будет удобно?

— Вполне. Яйцо к чаю будете?

— Да, пожалуйста. По одному каждому. И нельзя ли немного горячей воды?

Горячую воду принесли в помятом жестяном кувшине. Соррелл умылся, почистил одежду и волосы, вытер пыль с ботинок и посмотрел на себя в маленькое зеркало. Первое впечатление много значит, а ему хотелось произвести хорошее впечатление на мистера Верити. Синий костюм был старым и блестел от носки, зато когда-то его хорошо сшили, а на брюках сохранились стрелки.

— Я пойду повидаюсь с мистером Верити. Ты пока можешь разобрать вещи, старина.

Кристофер высунулся из окна и с наслаждением вдыхал непривычный, свежий воздух Стонтона.

— Хорошо, папа.

— Когда вернусь, попьём чаю и прогуляемся. Здесь мы только временно устроились.

— Всё равно лучше, чем на Лавендер-стрит, — сказал мальчик.

Лавка мистера Верити находилась на Рыночной площади. Выйдя с Флетчерс-лейн, Соррелл оказался на Кэнонс-роу. Он спросил проходившего почтальона, как попасть на Рыночную площадь. Тот ткнул большим пальцем вперёд.

— Всё прямо.

Соррелл не спешил. Он испытывал приятное волнение и, шагая по Кэнонс-роу, увидел впереди короткую широкую Хай-стрит. Всё вокруг было красным, белым и серым. Над гостиницей «Ангел» выступала золочёная фигура ангела. Чуть дальше из здания рынка с каменными

колоннами и голландской крышей выдавались часы, а в нише посреди южной стены стояла статуя Вильгельма Оранского. Хай-стрит вливалась в огромное солнечное пространство Рыночной площади. Её окружали старые дома, построенные ещё во времена королевы Анны и Георгов. В центре стоял рыночный крест, возвращавший память к эпохе Тюдоров. Один низенький дом почти весь скрывался под виноградной лозой, другой утопал в глицинии. Причудливые эркеры, белые крылечки, свинцовые козырьки — а дальше тяжёлая тень соборного квартала ложилась поперёк улицы. Над всем этим башни ловили солнечный свет, поднимаясь из зелёных крон старых лип и вязов на фоне ослепительно белых облаков и ярко-синего неба.

У гостиницы «Ангел» Соррелл остановился. Старый город ему понравился. Неплохое место, чтобы осесть. Слушать колокола и чувствовать, что жизнь здесь уже не похожа на бешеную свалку. А ещё — возиться со старинными вещами, брать в руки старый фарфор, стекло, шеффилдское серебро, творения давно умерших мастеров, которые никуда не торопились. Наверное, старик Верити и сам пропитался атмосферой дуба и красного дерева, клёна и ореха. Возможно, даже душа у него была обита парчой.

Соррелл двинулся дальше, на Рыночную площадь. Осмотревшись, он перешёл через булыжную мостовую и обратился к полицейскому, регулировавшему движение.

— Лавка мистера Верити?

— Вон там. Возле ворот.

Соррелл прошёл уже половину площади, когда вдруг понял: с лавкой мистера Верити что-то не так. Перед ним стоял красный дом с белым карнизом и белыми оконными рамами. На чёрной вывеске белыми буквами было написано: «Джон Верити — торговец антиквариатом». Но лавка была закрыта. Окна заслоняли чёрные ставни. Соррелл посмотрел на соседние магазины. Нет, сегодня не было дня раннего закрытия — остальные торговали. Последние шаги через площадь он прошёл уже гораздо быстрее. Рядом с лавкой обнаружилась чёрная дверь; в белом косяке блестела латунная ручка звонка. Соррелл потянул за неё. Он ничего не понимал, но уже чувствовал нарастающую тревогу.

Дверь открылась. Перед ним стояла женщина с заплаканным лицом.

— Мистер Верити дома?

Женщина моргнула воспалёнными глазами.

— Мистер Верити умер сегодня утром.

Соррелл застыл с приоткрытым ртом.

— Что?..

— Да… Внезапно… Наверное, сердце. Упал с лестницы… О господи…

Она снова захныкала. Соррелл стоял перед ней с совершенно опустевшим лицом. Женщина уже собиралась закрыть дверь, и тогда он поспешно заговорил:

— Я только что приехал. Я должен был… стать его помощником. Мне очень… очень жаль…

— Всё произошло так внезапно, — сказала женщина. — Конечно, теперь, когда его нет… сами понимаете… ничего уже не будет. Простите. Вы издалека приехали?

— Из Лондона.

— Боже мой. И теперь придётся ехать обратно через всю страну — и всё напрасно. Очень неловко получилось, но ничего не поделаешь. Если позволите, мне нужно идти…

Она закрыла дверь. Соррелл остался стоять перед ней. И смотрел на эту закрытую дверь.

3

Первым чувством Соррелла была горькая обида на старика Верити — за то, что тот взял да и умер так внезапно и так некстати. Но, не успев пересечь Рыночную площадь, Соррелл уже понял всю нелепость своего гнева. Обида исчезла, оставив после себя пустоту под ложечкой и холодную дрожь, пробежавшую вдоль позвоночника. Его трясло. Ноги вдруг стали такими

слабыми, что, пройдя через ворота соборного квартала и увидев скамью под липой, он направился к ней и сел.

Соррелл чувствовал себя беспомощным и растерянным. Это разочарование, последнее в длинной череде подобных ударов, словно вобрало в себя тяжесть всех предыдущих и теперь обрушилось на него разом. Он полез в карман за трубкой и кисетом. Пальцы дёргались, не слушаясь. Когда он чиркнул спичкой, рука дрожала так сильно, что ему с трудом удалось раскурить трубку. Его мутило от безысходности. Он устал. Устал настолько, что хотелось лечь, признать поражение и позволить жизни втоптать себя в грязь забвения.

Чувства словно притупились. Весь облик тихого старого города изменился. Ещё полчаса назад Соррелл отчётливо видел синеву неба, спокойные белые громады облаков над башнями и деревьями, а теперь окружающий мир стал расплывчатым и серым. Это его собственное отчаяние отбрасывало на всё свою тень. Он вспомнил о Кристофере, который ждал его в комнате наверху. Ждал чая. Сорреллу стало страшно возвращаться к мальчику. Страшно предстать перед ним с видом побитой собаки и с мёртвой надеждой в глазах.

Вокруг него, словно мухи, жужжали мелкие, грязные, неумолимые подробности случившегося. В кармане — тринадцать шиллингов. Нужно заплатить хозяйке за еду и ночлег. Понадобятся деньги на билеты обратно в Лондон. Проклятый чемодан придётся чинить. А если они всё-таки вернутся в Лондон — возвращаться им, в сущности, некуда. Соррелл почувствовал, что паника совсем близко. Он поднялся. «Когда тебя охватывает страх — делай хоть что-нибудь».

Эту нехитрую солдатскую мудрость он привёз с собой из Франции. Соррелл вспомнил, что свой Военный крест получил именно потому, что однажды сделал хоть что-нибудь, восстав против подкрадывавшегося оцепенения животного страха. Он вернулся на Флетчерс-лейн. Поднявшись по лестнице, Соррелл на мгновение остановился перед дверью комнаты. Его всё ещё трясло. Где-то внизу двигалась хозяйка. Он перегнулся через перила и крикнул:

— Мы готовы пить чай, пожалуйста!

Собственный голос удивил его. Он прозвучал звонко и даже весело. Казалось, этот голос принадлежал не тому измученному человеку, который несколько минут назад сидел под липой, а какой-то другой, скрытой глубоко внутри его сущности силе — более крепкой, чем его сознательная воля. Соррелл открыл дверь и вошёл. Мальчик стоял у окна. Он уже разобрал вещи. На кровати лежали ночная рубашка и пижама; на туалетном столике аккуратно разместились щётки, бритва, расчёска и три старые трубки. Отец и сын посмотрели друг на друга.

— Ну что, сын, как насчёт чая?

Кит продолжал смотреть на отца. Глаза мальчика были необыкновенно серьёзны. Соррелл понял: притворяться бессмысленно.

— Мистер Верити умер. Сегодня утром. Так что со Стонтоном ничего не вышло. Ну а теперь — как насчёт чая?

Лицо мальчика слегка покраснело. Губы дрогнули. Казалось, он увидел в отце что-то такое, чего прежде не замечал: нечто прекрасное и одновременно щемяще жалкое — мужество человека, которому очень больно, но который изо всех сил старается не показать своей боли. Киту вдруг захотелось заплакать.

— Мне жаль, папа.

Губы его задрожали.

— Нам… нам придётся как-нибудь справиться.

И тогда Соррелл внезапно, почти яростно, схватил сына в объятия и поцеловал его.

4

После чая они вышли из дома, посидели в соборе, потом бродили по соборному кварталу под сенью вязов и лип. Вечер стоял тихий. Солнечный свет просеивался сквозь листву и мягко ложился на подстриженную траву. По воде вокруг епископского дворца скользили

лебеди. Между деревьями поблёскивала вода, а старые красные стены казались особенно тёплыми и спокойными. Дома каноников, укрытые за воротами в почти совершенной безопасности, позволяли лишь мельком увидеть свои сады. Над башнями кружили галки, и их крики падали сверху в глубокую зелёную тишину.

Закат заполнил кружево листвы красным и золотым светом, и строгая, размеренная жизнь этого места приобрела на несколько мгновений почти таинственную красоту. Соррелл и Кит сидели на скамье над водой. Перед ними яркий зелёный склон уходил к берегу, а ветви плакучей ивы свешивались в поток жёлтого света. Сорреллу казалось, что люди, живущие здесь, рядом с тенями этих башен и деревьев, просто не могут знать, что такое бедность, голод и тот грязный страх, который словно слизь расползается по душе человека. Жизнь здесь казалась такой надёжной. Невероятно надёжной.

Он сидел рядом с сыном — бедно одетый мужчина рядом с бедно одетым мальчиком, — и всё же собственная потрёпанность вдруг перестала его мучить. Исчезла эта мелкая, пригородная необходимость делать вид, будто всё обстоит лучше, чем на самом деле. В нём неожиданно появилась простота. Сегодня он впервые обнажил перед сыном собственную душу. Они разговаривали.

— Я больше не стану беспокоиться из-за стрелок на брюках, сын. Хватит поддерживать видимость. Мне всё равно, какая будет работа. Главное — я её найду.

Соррелла поражало, как хорошо мальчик всё понимал. Откуда это в нём? В этой способности Кита понимать было что-то почти женственно нежное, но одновременно совершенно мужественное — именно такое мужество Соррелл видел в лучших людях во время войны.

— Всё это из-за меня, папа.

— Капитан Соррелл, кавалер Военного креста.

— Но для меня ты всё равно останешься капитаном Сорреллом, кавалером Военного креста, папа. Даже если будешь улицы подметать…

— Честное слово?

— Честное слово.

Соррелл прижал голову сына к плечу.

— Похоже, сынок, нам с тобой только теперь довелось по-настоящему познакомиться. И всё благодаря бедняге Верити. Я ведь до смерти боялся, что ты станешь меня стыдиться…

Мальчик улыбнулся.

— Глупый ты, папа. Я помогу.

— А ты подумай о нашем бедном чемодане! Что он, должно быть, почувствовал, когда раскрылся на вокзале? Но сегодня, Кит, раскрылся и я. Ты увидел, что у меня внутри. Ещё вчера я был таким слегка потрёпанным джентльменом. Теперь с этим покончено.

Кристофер задумался над чем-то, что казалось ему чрезвычайно важным.

— Я не против… просто хлеба с маслом.

— Даже без варенья?

— Даже без варенья.

Соррелл улыбнулся.

— Знаешь, а мне кажется, всё это всё-таки того стоило. Действительно стоило. Теперь мы с тобой хотя бы знаем, на каком мы свете.

Закат угасал за их спинами. Сумерки и тени больших деревьев сходились над водой. Сорреллы поднялись со скамьи и пошли дальше вместе, соединённые новым пониманием друг друга и той открытой, нежной близостью, которой прежде между ними не было.

— Я всегда буду всё тебе рассказывать, Кит. Больше никакого притворства.

— И я тебе тоже, папа. Всё.

— Никаких секретов?

— Никаких секретов.

Так началось их большое товарищество. Впервые за много месяцев Соррелл почувствовал счастье — неожиданное, почти забытое. Удар, нанесённый дневным разочарованием, уже отступал. Внезапно осознанная близость с сыном заслонила чувство поражения. К нему возвращалось мужество. Они шли в сумерках по соборному кварталу под темнеющими деревьями, и Соррелл ощущал рядом Кита не только физически — он чувствовал его душевную близость. «Если бы у меня не было мальчика…» — подумал он. Рука Кита коснулась его рукава.

— Смотри…

Они свернули на вымощенную камнем дорожку, которая проходила позади старых домов одной из сторон Рыночной площади. Между дорожкой и домами виднелись надгробия и кирпичные склепы. Высокая тисовая изгородь закрывала многие нижние окна, но Кит смотрел на большое арочное окно, возвышавшееся над зелёной стеной. Окно было ярко освещено. Внутри сияли полосы оранжевого, зелёного, синего и ярко-розового цвета. Среди них двигалась фигура женщины в чёрном.

— Что это? — спросил Кит.

Соррелл улыбнулся. Через старые могилы они смотрели на выставочный зал модистки из Стонтона. Судя по всему, хозяйка только что получила новую партию шёлковых джемперов. Она распаковывала их и развешивала на стойках, где они сверкали в ярком свете, словно драгоценные камни в витрине.

— Одежда, Кит.

ГЛАВА II

1

Положив на тарелку Кристофера два ломтика бекона, Соррелл вдруг подумал, что этот завтрак они с сыном едят в долг. И если в Стонтоне ему не удастся найти хоть какую-нибудь работу, возможно, вскоре придётся отправиться под вывеску с тремя золотыми шарами — в ломбард. После завтрака он раскурил трубку и принялся просматривать объявления в свежем номере «Стонтон аргус». Кому-то требовался шофёр, фермер искал скотника, несколько дам приглашали кухарок и горничных. Сорреллу пришлось признать собственную беспомощность.

Он не умел водить автомобиль, доить корову или готовить обед. Если задуматься, выяснялось, что вообще существует очень мало вещей, которые он действительно умеет делать. До войны Соррелл сидел за письменным столом и помогал вести дела фирмы, но фирма прекратила существование ещё в 1917 году. А стоит лишить делового человека его конторского кресла — и он превращается в самое беспомощное существо на свете: джентльмена, поневоле обречённого на праздность.

В правом верхнем углу газетной страницы Соррелл заметил небольшое объявление, которое могло иметь отношение к его положению. В Стонтоне существовало частное бюро по найму прислуги, которым заведовала некая мисс Харгривз. Бюро находилось на Хай-стрит, в доме номер тринадцать. Соррелл оторвал уголок газеты с объявлением, сунул его в карман жилета, а остальную газету передал Кристоферу.

— Я выйду.

Мальчик понял.

— Я буду здесь, когда ты вернёшься.

Дом номер тринадцать оказался магазином канцелярских товаров. Половина витрины пестрела яркими обложками дешёвых романов. Дверь магазина выходила прямо к арочному въезду во двор гостиницы «Ангел», так что мисс Харгривз с той минуты, когда утром поднимала жалюзи, и до той, когда вечером опускала их, жила под неизменным взором золочёного ангела на гостиничной вывеске. Соррелл вошёл. Магазин был длинный, несуразный и тёмный. В пасмурные дни в дальнем углу, где в высокой нише помещалась библиотека, приходилось зажигать свет даже днём. Покупателей не было.

Молодая женщина за прилавком повернула к Сорреллу близорукие глаза и машинально направилась туда, где лежали свежие газеты.

— «Дейли мейл»?

Именно этих слов она ожидала от посетителя, но Соррелл удивил её.

— Насколько я понимаю, у вас здесь бюро по найму?

— Да, верно.

Девушка посмотрела в сторону сооружения, напоминавшего одновременно конторку и клетку, в глубине магазина. Над перегородкой виднелась женская голова.

— Вам лучше поговорить с мисс Харгривз. Вон там.

Когда Соррелл подошёл к конторке, мисс Харгривз подняла голову. Ей было около сорока пяти. Худощавая, жилистая женщина с карими глазами, в которых застыла какая-то голодная жёсткость. Кончик носа образовывал красноватый треугольник, испещрённый сеточкой мелких кровеносных сосудов.

— Доброе утро.

Он был незнакомцем, а незнакомые мужчины неизменно вызывали у этой женщины интерес. Но стоило Сорреллу встретиться с её карими глазами, как слова вдруг начали ему изменять.

— Я хотел бы посоветоваться с вами…

— Вам нужна прислуга?

— Нет. Дело в том…

В эту минуту разговор прервало стремительное появление в магазине женщины. Вместе с ней ворвались сильный аромат духов, тихий шелест шёлка и ощущение какой-то беспокойной, почти вызывающей жизненной силы. Она двигалась широко, легко и быстро и уже через мгновение оказалась у локтя Соррелла, заставив его оглянуться. Он увидел густые рыжевато-золотистые волосы, широкое красивое лицо, красный рот и яркие голубые глаза. В этом лице было что-то грубое — бурная живость, чувственная энергия. Словно порыв ветра ворвался в тёмный магазин.

Сорреллу показалось, что эта крупная светловолосая женщина одним своим присутствием подавляет его мужество, наваливается на него всей тяжестью своей жизненной силы. Он снова повернулся к конторке — и обнаружил, что мисс Харгривз уже совершенно забыла о нём. Худое лицо женщины оживилось.

— Доброе утро, Фло, дорогая. Как поживаешь?

— Разве я похожа на больную?

Между двумя столь непохожими женщинами явно существовала какая-то особая близость. Но светловолосая незнакомка рассматривала Соррелла. Она отошла в сторону и непринуждённо прислонилась к деревянной панели стены. Ярко-синяя вязаная кофта особенно резко выделялась на фоне старого коричневого дерева.

— Сначала этот джентльмен. У меня дело не деловое.

Соррелл мысленно послал её ко всем чертям. Он чувствовал на себе её взгляд. Если бы сейчас позволил себе пойти по пути наименьшего сопротивления, то просто выскочил бы из магазина. Стоять здесь и выкладывать всю унизительную правду о своём положении, пока эта женщина смотрит на него и заставляет особенно остро ощущать собственную жалкость! «Чёрт возьми! — сказал он себе. — Разве я не решил идти напролом?» Мисс Харгривз перебирала страницы конторской книги, ожидая, когда он наконец заговорит.

— Вы сказали, что хотите нанять…

— Мне нужна работа.

— А-а… Для себя? Боюсь, мы занимаемся только домашней прислугой.

— Именно это я и имею в виду, — ответил Соррелл, весь подобравшись, точно испуганная кошка. — Место камердинера, лакея… что-нибудь в таком роде.

Ему казалось, обе женщины презирают его. Особенно эта крупная блондинка — в синем, с холодными, всё понимающими глазами. Почему она не уйдёт и не оставит его наедине с худой женщиной за конторкой? Мисс Харгривз сделала вид, будто просматривает записи.

— Боюсь, ничего подобного у меня сейчас нет. Совсем ничего.

— Понятно.

— Попробуйте обратиться на биржу труда.

— Возможно. Благодарю вас. Простите за беспокойство. Доброе утро.

Он резко повернулся спиной к светловолосой женщине и направился к выходу. Под ногами скрипели истёртые половицы, и этот звук казался Сорреллу особенно неприятным — словно сам магазин насмехался над униженным человеком. Он уже дошёл до двери. И тут вслед ему прозвучал голос, будто чья-то рука удержала его за плечо:

— Эй! Подождите минутку.

Соррелл обернулся. Светловолосая женщина стремительно двигалась к нему по магазину. Он посторонился, собираясь пропустить её. Его нужда совершенно её не касалась. Но женщина остановилась возле вращающейся стойки с открытками, наугад вытащила одну и прямо посмотрела на Соррелла своими голубыми глазами.

— Вы действительно всерьёз ищете работу?

Он растерянно взглянул на неё.

— Простите?

Её улыбка озадачила его.

— Ну, если всерьёз, приходите через четверть часа в «Ангел». Там есть свободное место.

Она вышла, почти задев его плечом. Соррелл смотрел, как женщина пересекла улицу и скрылась под аркой гостиницы «Ангел». У входа она свернула налево, не оглянувшись. Почему после встречи с ней у него осталось такое чувство, словно его прижали к стене? От этой женщины исходила огромная сила — грубая, смеющаяся, почти хищная жизненная энергия. Соррелл неожиданно вернулся в магазин и быстро прошёл по тёмному помещению к конторке.

— Простите… Вы не скажете мне?..

Мисс Харгривз поняла без объяснений.

— Это миссис Палфри. Она управляет «Ангелом».

— Вот как. А вы случайно не знаете?..

Мисс Харгривз странно посмотрела на него.

— Им нужен человек на всякую работу. Багаж носить, обувь чистить и всё такое.

Соррелл уставился на её худое лицо.

— Но почему же вы сразу не сказали?..

— Потому что не знала, — резко ответила она. — Если вам это подходит — пожалуйста. Вот и всё.

2

Соррелл стоял на тротуаре и смотрел через улицу на гостиницу «Ангел». Внешне здание ему нравилось. Стены сохраняли кремовую белизну прошлогодней краски, а хорошо выверенный карниз отбрасывал чёткую тень. Оконные рамы были выкрашены в тёмно-бордовый цвет, и из середины фасада, точно корма старинного корабля, выступал железный балкон. Казалось, золочёный ангел слетел именно с этого балкона. И не приходилось сомневаться в политических убеждениях ангела. Это был основательный ангел-тори, не одно поколение жителей Стонтона видело, как он указывает путь к небесам, возвышаясь над толпами, внимавшими красноречию победоносных ораторов-консерваторов.

Взгляд Соррелла переместился к арочному проезду, через который в прежние времена въезжали во двор гостиницы и выезжали из него кареты и экипажи. Над аркой нависало красивое полукруглое окно, поддерживаемое двумя высокими белыми ионическими колоннами. Соррелл заметил зелёные тафтяные занавеси. Под окном стояли ящики для цветов, но цветы в них засохли. Он прошёл вверх по улице, пересёк Рыночную площадь и снова оказался в соборном квартале. Соррелл колебался.

На мгновение его взгляд задержался на закрытых ставнях лавки мистера Верити, и он вдруг понял, как стремительно рухнули его надежды. Разнорабочий в провинциальной гостинице! Да, пожалуй, теперь он с грохотом приземлялся у самого подножия той социальной пропасти, над которой так долго пытался удержаться. Он сел на знакомую скамью и стал смотреть на лебедей — беззаботных, величавых созданий, которые скользили по воде куда им вздумается. «Ну что ж, — подумал он, — если начинаешь с самого дна, есть хотя бы одно утешение: падать дальше уже некуда». Он подумал о Кристофере.

«Я сказал ему, что найду работу. Любая работа может стать лестницей, по которой я помогу мальчику подняться. А может быть, он сумеет подняться, встав мне на плечи?..» Соррелл встал. И вернулся в «Ангел». Пройдя под аркой, он увидел слева дверь, ведущую в широкий коридор. Впоследствии этот коридор станет ему слишком хорошо знаком. Он научится ненавидеть и скользкую клеёнку на полу, и лестницу, уходящую вверх в темноту.

Справа открывалась гостиная, окна которой выходили во двор. С другой стороны из неё вели двери в контору, коридор к кухне, небольшую комнату, которую здесь называли «Каморкой», и к заднему входу в бар. Соррелл остановился в коридоре, прислонившись спиной к

карте окрестностей. В гостиной сидели двое или трое постояльцев. Они курили и читали свежие газеты. Румяная женщина в кожаном пальто листала путеводитель Мишлен. Соррелл невольно отметил, что за столами здесь следили плохо. В пепельницах валялись табачный пепел и использованные спички, на столешницах оставались следы от стаканов. Ближайшее кресло явно нуждалось в руках обойщика.

Кроме того, в помещении стоял какой-то особый, тяжёлый, затхлый запах. Соррелл подошёл к окошку конторы. В эту минуту из двери «Каморки» появился мужчина. Налитые кровью мутные глаза остановились на Соррелле.

— Доброе утро, сэр.

— Доброе утро, — ответил Соррелл.

Мужчина был без пиджака, в одних рукавах рубашки, небритый. Коротко остриженная голова белесо блестела между тяжёлыми плечами; казалось, шеи у него вообще не было и голова была насажена прямо на широкое коренастое туловище. Из-за невысокого роста его грузность бросалась в глаза ещё сильнее. Даже несколько произнесённых слов, похоже, заставили его запыхаться: раздутый жилет тяжело поднимался и опускался. Мужчина был ещё не стар, но Сорреллу он напомнил какого-то несчастного, ожиревшего, облезлого языческого божка — с воспалёнными глазами и тяжело вздымающимися боками.

— Чем могу служить, сэр?

В его напускной приветливости было что-то жалкое. Он держался как хозяин — громогласный, добродушно-грубоватый мужчина, привыкший распоряжаться, — но в действительности был всего лишь покорным пьяницей.

— Миссис Палфри велела мне зайти. По поводу…

— По поводу чего?

— Вам нужен работник.

— А-а… да. Точно.

Мысль за багровым лицом двигалась чрезвычайно медленно. Налитые голубые глаза не выражали ничего, кроме туповатой, торжественной одурманенности. Мужчина подошёл к двери, на которой чёрными буквами было написано «Каморка», и открыл её.

— Фло!

— Что?

— Тут к тебе человек. Насчёт места Тома.

— Пусть войдёт.

Толстая рука сделала приглашающий жест. Соррелл шагнул к двери. И в эту минуту понял, что эта жалкая развалина, этот словно помятый и распухший плод, — муж Флоренс Палфри.

3

Соррелл закрыл за собой дверь и остался стоять возле неё, держа шляпу в руке. Комната была довольно тёмной. Единственное окно выходило во двор, а под ним тянулся длинный диван, заваленный малиновыми подушками. Женщина сидела на диване и возилась с каким-то рукоделием. Сесть она Сорреллу не предложила.

— Ну, так что с вами стряслось? — резко спросила она.

Он ответил столь же резко:

— А это имеет какое-нибудь отношение к делу?

Её взгляд скользнул по его худой фигуре, задержался на строгом бледном лице с маленькими чёрными усами и аккуратно причёсанными тёмными волосами. Быстрый отпор на её бесцеремонность, похоже, ей понравился.

— Вам нужна эта работа?

— Смотря какая.

— Всё упирается в вашу гордость, дружок. Джентльмен, бывший офицер и всё такое!

Она снова сделала вид, будто занята рукоделием. Соррелл смотрел на неё сверху вниз, время от времени встречаясь с её короткими, непонятными взглядами. Он никак не мог разгадать эту женщину. Огромная жизненная сила, исходившая от неё, грубоватое сияние крепкой женской красоты заставляли его чувствовать себя неопытным, застенчивым мальчишкой. Почему она вообще велела ему прийти? Из жалости? Из добродушия?

— Мне нужна работа, — сказал он.

— Женаты?

— Нет. Но у меня есть сын.

Она посмотрела на него так, словно сразу что-то поняла.

— Что привело вас в Стонтон?

— Мне предложили здесь место. У Верити. Я приехал вчера. А он умер.

Она на мгновение задумалась, склонив голову над рукоделием.

— Для вас это будет изрядным падением.

— Это моё дело.

У Соррелла возникло ощущение, что её забавляет пойманное и загнанное в угол существо мужского пола.

— А рекомендации? Характеристика?

— Ассоциация бывших офицеров может дать мне рекомендации. Моя фамилия Соррелл. Капитан Соррелл.

— От «капитана» придётся отказаться. Вы ведь считаете эту работу временной?

— Да. А в чём она заключается?

Флоренс не спешила объяснять. Казалось, ей доставляло удовольствие постепенно выяснять, сколько ещё унижений способен вынести этот человек.

— Конечно, вы совершенно неопытны. Но главное вот что: строить из себя важную персону здесь не получится. Человек, который чистит в моём доме обувь, не задаётся.

— Пункт первый, — сказал Соррелл. — Я чищу обувь.

— И носите наверх багаж.

— Хорошо.

— Следите за двором и гаражом. Кстати, в бильярде что-нибудь понимаете?

— Играю.

— Значит, сможете вести счёт. Потом бар. Каждое утро его придётся вымывать, а иногда помогать подавать напитки.

— Хорошо.

С каждым новым пунктом он словно становился всё жёстче. Бледное лицо застыло в упрямом выражении. Каждый новый удар её когтей заставлял его лишь сильнее выпрямляться. Он не собирался показывать, что ему больно.

— Что-нибудь ещё?

— Любая мелкая работа, которую я вам поручу.

— Понятно.

— И обращаться ко мне будете «мадам».

Она пристально посмотрела на него. Во взгляде была грубая любознательность. Соррелл напоминал ей раба, брошенного на песок арены, и она словно ждала — попросит ли он пощады.

— Хорошо, мадам. А теперь могу я узнать, что получу за эту работу?

— Тридцать шиллингов в неделю и питание.

— И всё?

— Чаевые. Не забывайте о чаевых. Если человек умеет быть услужливым…

Она неопределённо повела плечами.

— В хорошем месте на чаевых можно неплохо заработать. Жить, разумеется, будете здесь.

Соррелл стоял, перебирая пальцами поля шляпы.

— А мой сын?

— Сына я на работу не нанимаю. Детей мы здесь не держим. Устроите его где-нибудь на пансион, и пусть ходит в школу. Сколько ему?

— Одиннадцать.

— Ну вот и решайте, Соррелл. На это место я за полчаса найду десять человек.

Под маленькими чёрными усами показались его белые зубы. Флоренс прекрасно понимала, что он сейчас чувствует. Он ненавидел её. Ему хотелось ударить её по лицу. И именно эта сдерживаемая ярость доставляла ей особое удовольствие. Ей нравилось выпускать когти на мужчинах, доводить их до разных степеней бешенства, и уже давно ей не попадалась такая интересная жертва.

— Я согласен, — сказал Соррелл. — Когда приступать?

Она повернулась на диване и нажала кнопку электрического звонка. Где-то вдали раздалось дребезжание. Флоренс сидела молча, словно нарочно заставляя его ждать.

— Что вы сказали?

Тон был небрежным.

— Я спросил, мадам, когда мне приступать?

— Немедленно. Даю вам час, чтобы устроить своего мальчишку.

— Благодарю.

Соррелл открыл дверь. Но Флоренс окликнула его, когда в комнату вошёл её муж.

— Я взяла этого человека. Он сейчас сходит за вещами.

Мистер Палфри, тяжело дышавший и бессмысленно таращившийся перед собой, представлял собой лишь грузную фигуру, покорно со всем соглашавшуюся.

— Хорошо, дорогая.

— Всё, Соррелл. Через час возвращайтесь.

До дома на Флетчерс-лейн Соррелл добрался за пять минут. Он поднялся в их комнату под крышей и увидел Кристофера у окна. Мальчик смотрел на крыши Стонтона.

— Я нашёл работу, Кит.

Лицо сына озарилось той самой счастливой, сияющей улыбкой.

— Я рад, папа. Какую?

Соррелл сделал один из первых шагов к тому большому мужеству, которому ещё только предстояло в нём вырасти.

— Я буду носильщиком в гостинице «Ангел».

ГЛАВА III

1

Стивену Сорреллу понадобилась почти неделя, чтобы понять настоящую «атмосферу» стонтонского «Ангела». Это был особый маленький мир, и безраздельно властвовала в нём Флоренс Палфри — женщина из плоти, крови и меди. Все остальные казались рядом с ней мелкими, вороватыми фигурками, сновавшими по коридорам, исчезавшими в комнатах и снова выныривавшими оттуда. Две официантки, кухарка, две горничные и апатичная молодая особа, помогавшая в баре.

Бедный, вечно пьяный Джон Палфри, переваливавшийся по гостинице, словно жалкий и одновременно отталкивающий старый пёс, был существом пустым — одним только голосом. Он почти никогда не бывал трезв. Руки его дрожали, раздутый жилет вечно был застёгнут кое-как, а разговоры в «Каморке» напоминали бессвязное бормотание безмозглого животного. Иногда Соррелл заставал его плачущим.

— Что случилось, сэр?

— Тапочки… потерял тапочки… Опять этот проклятый щенок…

Он судорожно сглатывал.

— Да кому какое дело?.. Я тебя спрашиваю — кому?.. Ни единой живой душе…

Соррелл находил ему тапочки или трубку, но осушить нелепые слёзы несчастного не мог. Впрочем, иногда и сам Соррелл был близок к слезам — от ярости или полного изнеможения. Каждый вечер он ложился совершенно разбитым — и телом, и духом. Уставал настолько, что не мог заснуть и лежал, прислушиваясь к ударам часов на соборе или к звукам собственного измученного тела. Работа была для него непривычной. С утра до ночи он находился на ногах. Чемоданы и сундуки буквально разрывали его на части.

К тому же кормили отвратительно. Небрежные трапезы, проглоченные кое-как и когда придётся в скользкой, грязной кухне, тяжёлым кислым комом лежали в усталом желудке. Очень часто Соррелла мучила боль. Но больше всего его поражала грязь. С улицы «Ангел» производил впечатление чистой и уютной гостиницы: свежая краска, белая входная ступень. Только очень внимательный человек мог бы заметить засохшие цветы в ящиках под окнами. Внутри царило наглое неряшество.

Лучше было не заглядывать под ковры и не задумываться о том, какие одеяла скрываются под предательски чистыми простынями. В некоторых углах откровенно воняло. А кухня и особенно ужасная тёмная жирная дыра, где мыли посуду, заставляли Соррелла удивляться невинному доверию людей, которые въезжали на автомобилях во двор «Ангела», ели приготовленные здесь обеды и спали в здешних постелях. Грязь в этой гостинице была скрытной, лукавой. «Ангел» напоминал девицу в шёлковых чулках и кружевах, которая почти никогда толком не моется. И всё же деньги в этом доме водились.

Дела шли хорошо. Флоренс Палфри никогда не производила впечатления женщины, вынужденной хоть в чём-нибудь себе отказывать. Она была бесстыдно жадной, ненасытной, хищной — животным, внутри которого горел огонь. Счета постояльцам составляла она сама, и почти в каждом находился какой-нибудь вопиюще завышенный пункт, против которого добродушному английскому путешественнику следовало бы возмутиться. В девяти случаях из десяти никто не возмущался. Люди молча платили. Флоренс Палфри прекрасно знала мир. Она брала нахрапом. Рисковала вызвать протест, потому что знала: человек скорее заплатит, уедет, поворчит и забудет. Она знала нравственную трусость мира.

Его инертность. Очень скоро Соррелл понял, что сама гостиница как гостиница здесь почти никого не интересует. Столовая, комната для коммивояжёров, спальни — всё это было

второстепенным. Главным был бар. Сюда приходили пить. «Каморка» при «Ангеле» была своеобразным центром притяжения — мухоловкой, пещерой, куда набивались самые разные мужчины. Они пили, издавали глупые звуки, ещё глупее смеялись и пожирали Флоренс Палфри похотливыми глазами. По вечерам комната была битком набита ими. Даже днём помещение возле бара редко пустовало.

В этой тесной комнатушке ощущалось что-то тайное, заговорщическое. Мужчины, прокрадывавшиеся сюда, мечтали дождаться минуты, когда жена старого Палфри окажется благосклонной, и воображали волнующие приключения среди красных диванных подушек. Соррелла от «Каморки» тошнило. Постепенно он запомнил имена, лица и занятия постоянных посетителей. Ромер — управляющий конторой «Спенс и Уотерлав», вежливый человек с беспокойными карими глазами и неприятным языком. У него имелся неисчерпаемый запас скабрезных историй.

Байлз, владелец большой мясной лавки на Хай-стрит, проскальзывал внутрь с красным, жирным и каким-то вороватым лицом и сыпал пошлыми комплиментами. Сэдлер, ветеринар, каждый вечер уходил отсюда совершенно пьяным — двигался негнущейся куклой на проволоке, а глаза свирепо горели на худом, распутном лице. Но таких были десятки: фермеры, торговцы, коммивояжёры, молодые повесы. Все крались сюда, словно псы, чтобы пить, бездельничать и похотливо глазеть. «Идиоты!» Соррелл презирал их, но это презрение было частью его собственных мучений. В бильярдной ему приходилось вести для некоторых из них счёт, слушать грязные истории, приносить выпивку.

Для них это было развлечением. Для него — пыткой. Часто Соррелл уже едва держался на ногах от усталости и скуки и всей душой мечтал лишь о том, чтобы эти идиоты наконец разошлись спать. А из «Каморки» всё доносились взрывы смеха и неуклюжие любовные излияния торговцев, ухаживавших за женщиной с грацией быков.

— Фло-о-оренс, ты река сияющая!

Эта острота принадлежала Мидиуму, владельцу книжной лавки, торговавшему молитвенниками, Библиями и приторно-красивыми путеводителями для туристов. У Мидиума были жена и семеро детей. Сам он был весь какой-то бесцветно-рыжеватый, словно его целиком вымочили в отбеливателе. Только рот оставался тонким, красным и похотливым. Все они тратили много денег. Бедного старого Палфри обычно отправляли наверх спать. Одурманенный выпивкой, он шаркал тапочками по лестнице и цеплялся за перила. Нередко Сорреллу приходилось помогать Джону Палфри подниматься, выслушивая его тяжёлое дыхание и пьяные откровения.

— Ей наплевать… совершенно наплевать. У меня вода внутри… Я как виноградина, Стив. Как доктор это назвал?.. Ас-ци-ит… Лучше бы я сдох.

На верхней площадке он останавливался, тяжело дышал и торжественно смотрел на Соррелла.

— Вот увидишь… Через полгода — гроб. Я тебя спрашиваю… Кому какое дело?..

И начинал плакать.

— Ты хороший парень, Стив. Сам не знаю почему. Господи… Меня тошнит.

Постепенно Соррелл начал замечать и другое. В «Каморку» приходили женщины. Мисс Харгривз из магазина напротив — с покрасневшим носом, возбуждённая, то и дело разражавшаяся сухим резким хихиканьем. Приходила хозяйка фруктовой лавки, сама похожая на переспелую сливу и постоянно уверявшая, что терпеть не может, когда её щекочут.

— Я закричу!

Эти простые земные души очень скоро перестали быть для Соррелла загадкой. Но женщина из меди оставалась непостижимой. Флоренс помыкала всеми, даже когда обращалась с ними с грубоватым добродушием. Она безошибочно знала, как управляться с каждым из этих мужчин-дураков и как поставить на место разгорячённую физиономию, если та начинала

дышать слишком близко к её лицу. Иногда Сорреллу казалось, что она презирает всю эту компанию не меньше, чем он сам. А поскольку человеку свойственно искать объяснения, Соррелл начал размышлять о её мотивах. Неужели её огромной жизненной силе действительно требовалось что-то высасывать из этого стада свиней?

Деньги? Не из-за неё ли бедный Палфри нарушает предписания врача и шаркающими шагами всё ближе подходит к неизбежному гробу? Она была умна и хитра — как сильный зверь. Флоренс никогда не теряла достоинства и не позволяла влюблённым клоунам переходить границу. «Я уже видел кого-то похожего на неё, — подумал Соррелл. — Но где?..» Одним дождливым вечером он вспомнил. «Каморка» была набита её свитой. Соррелл вошёл с подносом стаканов и увидел Флоренс на диване. Она смотрела поверх голов своих поклонников. Да. Теперь он вспомнил. Когда-то в Лондонском зоопарке он видел львицу. Она лежала точно так же — великолепная, свирепая и совершенно равнодушная.

Соррелл вспомнил взгляд золотистого зверя, скользивший поверх голов людей, суетившихся и болтавших за оградой. Ручные люди. Обезьяны. А львица лежала выше них, устремив глаза в какую-то свою даль, и не замечала никого. Но Флоренс встретилась взглядом с Сорреллом. И в её глазах внезапно сверкнул огонёк. Позднее, когда он уже закрывал на замок входную дверь гостиницы, она позвала:

— Стивен.

Он подошёл к двери «Каморки». Флоренс сидела на диване и зевала — совершенно естественно, как зевает красивый сильный зверь.

— Какие же они всё-таки проклятые дураки!

Она посмотрела на Соррелла и взяла со стола сигарету.

— Дай огоньку.

Он достал коробок, чиркнул спичкой и поднёс её к сигарете. Флоренс выпустила дым. Её глаза внезапно поднялись к его лицу, и Соррелл увидел большие чёрные зрачки, окружённые яркой голубизной радужки.

— Ты выглядишь совсем измученным.

— Конец рабочего дня.

— Тебе надо чаще выходить отсюда. Ты слишком много работаешь.

Соррелл опустил глаза.

— Если бы я мог уходить хотя бы на час после чая… У меня сын. Я почти его не вижу…

Он сразу понял, что задел её.

— Ах да, твой сын! И чем он занимается?

— Ходит в школу.

— В муниципальную?

— Ну… либо туда, либо…

— Получить повестку за нарушение закона. Ладно. Каждый день можешь уходить на час. Запер дверь?

— Да, мадам.

Направляясь к лестнице, Соррелл мельком увидел её профиль. Флоренс курила и смотрела на противоположную стену — словно сквозь неё. Уголок её рта опустился. Она хмурилась.

2

В течение дня у Соррелла было несколько особенных минут, когда жизнь снова казалась стоящей того, чтобы жить. Одна наступала поздно вечером, когда он поднимался в свою комнату под крышей, пересчитывал заработанные за день чаевые и записывал сумму в маленькую чёрную книжечку. Другую радость приносила ежедневная встреча с чистым, открытым лицом сына. Кит приходил к арочному въезду гостиницы, и Соррелл встречал его там. На отце всё ещё был знакомый старый синий саржевый костюм, только теперь он блестел ещё сильнее, а

брюки уже не сохраняли прежних тщательно выглаженных складок. Иногда Соррелл работал в фартуке, но перед встречей с Кристофером непременно успевал его снять.

Эту маленькую уступку собственная гордость ему позволяла. Минут пять они стояли рядом у одной из белых ионических колонн, поддерживавших выступающее окно столовой, и мальчик смотрел снизу вверх в лицо отца. Кит был наблюдательным ребёнком, а его любовь к Сорреллу словно преобразилась. Он замечал перемены в отцовском лице. Оно стало бледнее, почти восковым; между бровями появились мелкие морщинки, будто там завязался тугой узел постоянного напряжения. Соррелл похудел. Сильнее сутулился. Но глаза его улыбались.

— Как тебя там кормят, сын?

На еду у миссис Бартер, в доме номер тринадцать на Флетчерс-лейн, Кристофер не жаловался. Она была доброй женщиной.

— Она мне рубашки чинит, папа.

— Вот как! — сказал Соррелл и посмотрел на костюм мальчика.

Да, свежее лицо Кита слишком уж резко контрастировало с поношенной одеждой.

— Пора отвести тебя к портному, старина. Думаю, на следующей неделе уже смогу себе это позволить.

Кристофер не мог разобраться во всём, что скрывалось за глазами отца, но чувствовал исходившее от них тепло любви. Иногда взгляд Соррелла затуманивался, и в нём появлялась скрытая, глубокая радость, словно на несколько мгновений отец погружался в прекрасную мечту. Так смотрит человек, измученный жаждой, которому принесли чистую холодную воду. Кристофер освежал его душу. Открытые глаза мальчика, тёплая смуглота чистой кожи казались Сорреллу безупречным плодом после всей той гнили, которую он ежедневно видел в «Ангеле». После этих раздавленных, багровых душ, после лиц, словно истоптанных бесконечной толпой низких и грязных мыслей.

У его мальчика были молодость, будущее, возможности. Он был солнцем, поднимавшимся на востоке. И рядом — бедный Палфри! «Боже мой, — думал Соррелл, — человеку необходимо за что-нибудь держаться. Пусть даже всего лишь за чистую рубашку и кусок мыла». Кристофер никогда не задавал неудобных, мучительных вопросов. Он принял новую работу отца и понимал её значение гораздо тоньше, чем предполагал Соррелл. Перемена отразилась и на мальчике, сделав его серьёзность ещё глубже. В школе Кит очень берёг одежду. О самой школе рассказывал мало. Всё нормально. Лучше, чем в Лондоне. А что он делает по вечерам? Да так, чаще всего гуляет. За городом есть лес. И река.

Эти несколько минут рядом с сыном были для Соррелла бесценны, но одновременно мучили его. Целый день мальчик жил где-то отдельно от него, и при каждой встрече Соррелл жадно всматривался в это открытое, сияющее лицо, пытаясь заметить хотя бы тень чего-нибудь дурного. Он чувствовал свою ответственность за сына — огромную, почти жадную ответственность. Чистые глаза мальчика делали жизнь в «Ангеле» переносимой. Однажды Соррелл немного прошёл вместе с Кристофером по тротуару и вдруг заметил в окне лицо. Флоренс наблюдала за ними. Он поймал её прямой, оценивающий взгляд, устремлённый на мальчика. Соррелл поспешно вернулся в коридор гостиницы и встретился там с ней.

— Это твой мальчишка, Стивен?

— Да, мадам.

— Совсем на тебя не похож. Мать, полагаю, умерла?

Соррелл побледнел. Губы его напряглись.

— Я с ней развёлся.

Обычно около одиннадцати вечера он медленно поднимался по узкой лестнице на верхнюю площадку, где спала прислуга. В руке у него была свеча.

Обычно около одиннадцати вечера Соррелл медленно поднимался по узкой лестнице на верхнюю площадку, где размещалась прислуга. В руке он нёс свечу. Иногда из комнат девушек

доносились смех и болтовня, но он неизменно шёл прямо к себе, закрывал дверь, ставил подсвечник на стул, садился на кровать и выворачивал карманы. В этот час наступало время его драгоценных подсчётов. Маленькая чёрная книжечка была образцом аккуратности. Доходы и расходы записывались в ней до последнего пенни.

7 июля. Жалованье — 1 фунт 10 шиллингов.

Кристофер, содержание — 1 фунт.

7 июля. Чаевые — 4 шиллинга 6 пенсов.

Табак — 2 шиллинга.

8 июля. Чаевые — 3 шиллинга.

Зубная щётка — 1 шиллинг.

9 июля. Чаевые — 0.

Ботинки Кристоферу — 1 фунт.

10 июля. Чаевые — 7 шиллингов. 11 июля. Чаевые — 5 шиллингов 6 пенсов. 12 июля. Чаевые — 1 шиллинг. 13 июля. Чаевые — 9 шиллингов. В среднем чаевые приносили ему около двадцати пяти шиллингов в неделю. Миссис Бартер он платил фунт в неделю за содержание Кристофера. На себя уходило всего несколько шиллингов. Получалось, что каждую неделю Соррелл мог откладывать примерно фунт. Пятьдесят два фунта в год. Если только выдержит здоровье. У него уже был план для сына — цель, светившая вдали, словно огонёк сквозь туман и сумятицу каждого дня.

«Моя обязанность — делать свою работу как следует, — думал он, — чтобы Кит однажды получил работу получше. Я сберегу каждый проклятый пенни». Жизнь, которая когда-то могла привлекать его более грубые желания, теперь совершенно утратила над ним власть. Вся энергия Соррелла словно собралась в единый поток и устремилась в одном направлении. В нём развилась почти болезненная страсть делать всё безукоризненно — даже когда он проклинал неодушевлённые предметы, над которыми приходилось проявлять это усердие.

Как ни странно, многие свои мысли и житейские выводы Соррелл обдумывал, чистя ботинки и туфли, оставленные постояльцами возле дверей спален. Эта работа его не унижала. А вот мыть пол в баре было отвратительно. Всё равно что вычищать загон после грязных животных, оставивших там свои нечистоты. Но ботинки… У ботинок был характер. Соррелл привык судить об их владельцах по обуви. Особенно нравились ему аккуратные коричневые туфли — настоящая джентльменская обувь. Любимцам доставалось чуть больше крема и чуть больше блеска. Женские туфельки, какими бы изящными они ни были, никаких особых чувств у него не вызывали.

Больше всего Соррелл ненавидел обувь определённого сорта немолодых коммивояжёров — тяжело ступавших мужчин с выпирающими животами. Эти ботинки он называл «свиными копытами». И никогда не засовывал внутрь них руку. Но теперь, вырвав у довольно ревнивой Львицы свободный час в день, Соррелл стал чаще видеть Кристофера. Для отдыха он выбрал время с восьми до девяти вечера. После чая приезжало слишком много автомобилистов, и Соррелл не хотел отсутствовать, когда нужно было принимать багаж и переносить его из гаража наверх. Ему следовало быть на виду. Потом будут чаевые.

Зато долгими летними вечерами они с Кристофером гуляли вместе. Иногда шли в соборный квартал, иногда выбирались немного за город. В дождливую погоду миссис Бартер разрешала им сидеть в своей гостиной. Она хорошо относилась к Сорреллу и даже предложила чинить ему одежду. Кристофер любил деревья. Особенно ему нравился огромный вяз в соборном квартале. Вокруг его ствола была устроена круглая скамья, и мальчик любил сидеть там. Соррелл тоже был не против. Так меньше изнашивались подошвы, да и усталые ноги получали отдых. Во время их коротких загородных прогулок Кит уже заметил, что отец ходит так, словно у него болят ноги.

Заметил он и заплату на одном из его ботинок.

— Теперь твоя очередь, папа?

— Очередь чего, сын?

— Ботинки покупать.

Порой Кристофер относился к Сорреллу почти по-отцовски. У мальчика тоже появились планы — ещё смутные мечты и желание однажды получить какую-нибудь замечательную работу, за которую ему будут платить много денег. Он почувствовал, каких усилий стоит отцу их жизнь. И мечтал взять часть этой тяжести на себя.

— В пятнадцать лет я уже смогу пойти работать, папа.

Соррелл удивлённо посмотрел на него.

— Надеюсь, что нет.

Он перевёл взгляд с лица сына на раскинувшиеся ветви огромного вяза — и вдруг увидел в дереве образ самой жизни и труда, необходимого для её роста.

— Большинство людей растут как капуста. А ты посмотри на это дерево. Сколько ему лет, а? Оно ведь никуда не торопилось. Вот и мы с тобой торопиться не станем.

Мальчик вопросительно посмотрел на него.

— Но не так же долго… Пока ты один работаешь до изнеможения и всё делаешь…

— Это моя работа, Кит.

Соррелл загадочно улыбнулся.

— У меня есть планы. Главное… Ну, ты пока ещё сам не знаешь, чем захочешь заниматься. Вот что я имею в виду. Никаких тупиков. Никакого конторского табурета.

— Ты хочешь сказать, папа, кем мне самому хотелось бы стать?

— Именно.

— Но ведь всё равно надо зарабатывать деньги.

— Подожди. Есть кое-что важнее: как ты их зарабатываешь. Само дело важнее денег.

Кристофер очень серьёзно кивнул.

— Да. Значит, надо найти такое дело, которое любишь делать. Ну что ж… наверное, когда-нибудь я пойму, какое оно.

ГЛАВА IV

1

Случай, произошедший примерно через пять недель после появления Соррелла в «Ангеле», заставил его неожиданно насторожиться и внимательнее присмотреться к прихотям и страстям окружающих. Было раннее утро. Постояльцы, приносившие гостинице деньги, ещё не спустились к завтраку, а Соррелл стоял на коленях в гостиной и собирал рассыпавшееся содержимое пепельницы. Накануне вечером кто-то сбил её со стола. Обе официантки хлопотали в столовой. Одна из них — невысокая смугловатая девушка с копной коротко остриженных чёрных волос — выбежала в коридор по дороге на кухню. Через руку у неё была перекинута салфетка.

Соррелл и прежде замечал её взгляды. Девушка постоянно встречалась ему в коридорах, но он слишком уставал, чтобы интересоваться подобными маленькими радостями жизни. Он вообще успел забыть, что может нравиться женщинам. Девушка подкралась сзади, набросила салфетку ему на глаза и туго стянула её, а потом наклонилась так близко, что копна чёрных волос коснулась его головы.

— Угадай, кто?

Она захихикала. Соррелл ещё не успел освободиться, как салфетка исчезла. Он лишь мельком увидел стройные ноги Милли, поспешно скрывшейся в коридоре, ведущем на кухню. Кто-то спустился по лестнице и прошёл у него за спиной. Соррелл оглянулся. Флоренс Палфри направлялась к конторе. Происшествие было совершенно пустячным — всего лишь озорная выходка молодой девушки. Но когда в полдень прислуга «Ангела» собралась за столом, Соррелл заметил, что маленькой черноволосой официантки нет.

— А где Милли?

Вторая официантка бросила на него неприязненный взгляд.

— Уж тебе-то следовало бы знать.

— Но я не знаю.

— Она её выгнала.

— За что?

— За баловство.

Больше почти ничего не сказали. Было очевидно, что остальные девушки возмущены тем, как бесцеремонно вышвырнули их подругу. Но все боялись Львицы и одновременно с недоверием относились к Сорреллу — мужчине. Он почувствовал это недоверие. Ему стало не по себе. Но гораздо сильнее оказалось другое чувство — внезапная, унизительная дрожь страха. То, что произошло с Милли, могло произойти и с ним. А ради мальчика он не имел права допустить ничего подобного.

Сила собственной тревоги унижала Соррелла. Но он принял и это унижение, объяснив его самому себе с такой же прямотой, с какой признал бы необходимость носить потрёпанный костюм. Да. Он боялся оказаться на улице. Боялся потерять свои тридцать шиллингов в неделю, питание и чаевые. И всё-таки этот страх потрясал его. Как мог взрослый мужчина бояться, что его вышвырнут из такой караван-сарая? До сих пор Соррелл не понимал, насколько «Ангел» успел превратиться для него в ту самую соломинку, за которую он цеплялся с инстинктивным ужасом человека, страшившегося неизвестности. Весь день он работал с почти лихорадочным усердием.

Искал работу. Сам придумывал себе работу. Набрасывался на каждый след неряшества, которых в гостинице было предостаточно. И всё время ощущал где-то рядом присутствие женщины. Флоренс тоже словно охватило беспокойство. Она постоянно выходила из конторы или

«Каморки», поднималась по лестнице, куда-то уходила и снова возвращалась. Она видела Соррелла в самых разнообразных позах и местах. Вот он стоит на коленях и натирает деревянное обрамление пола в гостиной. Вот моет стеклянные панели дверей. Вот выносит во двор аспидистры и обмывает их листья.

Однажды она застала его скрючившимся под большим ореховым столом в коридоре, хотя чем именно он там занимался, даже Флоренс не стала выяснять. За этот день она прошла мимо него не меньше десятка раз. Ни разу не заговорила. И словно ни разу не посмотрела в его сторону. Но каждый из них прекрасно ощущал присутствие другого. Женская, почти кошачья интуиция подсказала Флоренс, что Соррелл боится. Он напоминал маленькое деятельное существо в клетке, которое изо всех сил старается умилостивить хозяина и торопливо крутит своё колесо. Она знала и другое. В душе Соррелл проклинает её. Проклинает себя. И всю эту унизительную суету.

Капитан Соррелл, кавалер Военного креста! Ей хотелось грубо рассмеяться, но смех оставался беззвучным. В ней самой шевелились мысли, похожие на довольное кошачье мурлыканье. Соррелл стоял перед ней на коленях. Она могла приказать ему подняться. Или оставить его там. Могла велеть прийти. Или уйти. А ощущение собственной власти пробуждало в ней желания, становившиеся от этого лишь острее. «Будь проклята эта женщина! Неужели она собирается?..» Сорреллу всё сильнее казалось, что её бесконечные появления поблизости вовсе не случайны. Они имели отношение к нему. Она замечала его именно тем, что демонстративно не замечала.

За её показным безразличием скрывалось нечто личное, намеренное и пока ещё непонятное. Соррелл принёс стремянку и теперь натирал одно из больших зеркал в гостиной. В стекле он видел самого себя — тревожное желтовато-бледное лицо и размеренные движения руки с замшей. Собственное отражение вызывало у него отвращение. Этот усердный, измученный тревогой человек! «Жалкий неудачник. Ползающий на брюхе идиот! Мечешься по гостинице, лишь бы произвести хорошее впечатление…» И вдруг в зеркале появилась она. Флоренс стояла позади и смотрела на него.

Сорреллу почудилось, что в её глазах мелькает насмешка — примерно так могла бы забавляться львица, если бы львицы обладали чувством юмора.

— Сегодня очень занят, Стивен.

— Да, мадам.

Он продолжал натирать зеркало, уверенный, что сейчас услышит что-нибудь об утренней глупой выходке Милли. Соррелл ждал. Флоренс молча наблюдала за ним не меньше минуты. Он почувствовал, как начинают гореть затылок и уши. Чёрт бы её побрал! Чего она хочет? Почему не уйдёт? Или уж пусть выпустит когти и покончит с этим. Соррелл потянулся к дальнему углу зеркала, а когда снова поискал в стекле её отражение, Флоренс уже исчезла. Он испытал облегчение. Но лишь на мгновение. Соррелл по-прежнему чувствовал её где-то рядом. Где?

Дверь «Каморки» была распахнута настежь. В зеркале отражалась часть комнаты: полоска зелёного ковра, красная подушка, кусок оконной рамы и стекла. И там сидела она. На диване. Наблюдала за ним. Соррелл видел блеск её волос и два очень тёмных глаза — словно глаза зверя, следящего за человеком из лесного сумрака. Ему показалось, что она улыбается. Он попытался сосредоточиться только на гладкой поверхности зеркала, заставить взгляд и мысли не проникать в его глубину, туда, где находилась женщина. Не получилось. Взгляд неизменно возвращался к ней. Флоренс продолжала сидеть неподвижно, загадочная и настороженная, словно огромная рыжевато-золотая кошка.

Соррелл решил оставить зеркало в покое. Он спустился со стремянки и уже складывал её, когда услышал:

— Стивен…

— Да, мадам?

— Здесь тоже есть зеркало. Его не трогали со времён… со времён…

Когда Соррелл появился в дверях со стремянкой и ведром, Флоренс рассмеялась.

— Со времён Адама и Евы.

Он с подчёркнутой деловитостью исполнил приказание. Зеркало висело над камином — в золочёной раме эпохи Регентства. Поднявшись по стремянке, Соррелл обнаружил, что верх рамы совершенно почернел от пыли. Флоренс взяла лежавшую на диване газету, но читать её не стала. День был жарким, и она принялась обмахиваться ею, словно веером.

— В гостиной кто-нибудь есть?

— Не знаю, мадам.

— Посмотри.

Соррелл спустился со стремянки и выглянул за дверь. Гостиная была пуста.

— Никого.

— Закрой дверь.

Он посмотрел на неё. На одно короткое мгновение Соррелл замер, всё ещё держа руку на дверной ручке. Теперь он понял. Именно этого он боялся весь день. И именно к этому Флоренс Палфри всё это время его подводила.

Соррелл спустился со стремянки, чтобы смочить замшу в ведре.

— Сегодня очень жарко.

Флоренс ничего не ответила. Она лишь наблюдала, как он снова принимается за работу, и по его движениям поняла, что он нервничает. Какая-то часть её существа была этим удовлетворена. А затем она вдруг заговорила с ним с непринуждённой доверительностью, с какой прежде никогда не разговаривала. Перед ней одновременно находились капитан Соррелл, кавалер Военного креста, и её гостиничный слуга — чистильщик обуви и носильщик.

— Всё это довольно сильно отличается от войны, Стивен.

Он согласился. Все его чувства были странно обострены.

— За что ты получил Военный крест?

— Я не знал, что…

— О, я почти всё знаю. Ну так за что?

— За ночную вылазку в траншеях.

— Это вы ходили в атаку на них?

— Нет, мадам. Это они атаковали нас.

Соррелл усердно натирал зеркало, повернувшись к ней спиной. Почему-то ему казалось необходимым сохранять между ними расстояние, хотя объяснить себе это чувство он не мог.

— Ну и что произошло? Не будь таким чертовски скромным.

— Немцы ворвались в нашу траншею.

— Да?

— Закололи нескольких наших ребят. Штык — мерзкая штука. Началась небольшая паника. Я и сам до чёртиков перепугался.

— Забавно!

— Ничего забавного в этом не было. Но потом во мне словно что-то взорвалось — и всё перед глазами стало красным.

Флоренс кивнула. Она разглядывала его, полуприкрыв глаза, с ленивой и вместе с тем хищной сосредоточенностью.

— Значит, ты способен прийти в ярость. Никогда бы не подумала. Это даже… интересно. Наверное, тогда ты был сильнее.

— Был. Но дело ведь не только в грубой силе…

— Да. Не в бычьей силе. Тебя ранили, полагаю?

— Дважды.

— Серьёзно?

— Во второй раз осколок фугасного снаряда попал в грудь. После этого меня отправили домой.

Соррелл слышал шелест газеты, которой Флоренс продолжала обмахиваться. Звук почему-то тревожил его — напоминал шелест листьев или кружев. Зеркало было закончено. Соррелл поспешно спустился со стремянки, сложил её и схватил ведро.

— Что-нибудь ещё, мадам?

Поверх шелестящей газеты Флоренс внимательно смотрела на него.

— Нет. Ты странный человек, Стивен.

Он уставился на неё. Флоренс рассмеялась.

— Очень странный. Ступай и найди себе ещё что-нибудь, что можно отполировать.

2

С этого дня Соррелл всё отчётливее воспринимал Флоренс Палфри как рыжевато-золотистого зверя — львицу, запершую его в своей клетке. Она говорила немного, но каким-то образом постоянно давала ему понять, что он зависит от неё и ей достаточно лишь поднять лапу… Обращалась она с ним одновременно просто и изощрённо. Мгновения провокации и ласковой жестокости чередовались с внезапными вспышками почти обнажённой интимности. Иногда её порочность представала перед ним настолько неприкрытой, что пугала. А Соррелл думал о мальчике.

Все его мысли были направлены на то, как избежать этой западни — грязной связи с женщиной одновременно первобытной и циничной. Он этого не хотел. Личная жизнь как приключение перестала его интересовать. Теперь Соррелл словно жил не для себя, а через другого человека, и корни самой его воли к жизни питались молодостью сына. Он боялся. Ему мерещилось нечто совершенно нелепое: будто его держат в клетке, кормят, играют с ним лишь затем, чтобы однажды сожрать. Соррелл чувствовал её беспощадность, свирепость, скрытую, насмешливую силу. Почему-то он её заинтересовал. Но почему? Потому ли, что перед ней был джентльмен, который таскал чемоданы и чистил ботинки?

Или обычные, шумные, мясистые мужчины, бесцеремонно вваливавшиеся в её логово, успели ей наскучить? Соррелл вполне мог представить себе львицу, которой надоели прежние развлечения и которая оглядывается в поисках новой, необычной жертвы. К тому же Соррелл помогал бедному старому Палфри подниматься наверх. Муж Флоренс Палфри был далеко не привлекательным человеком, но сама помощь другому мужчине невольно рождала чувство товарищества. Джон Палфри превратился в развалину. Теперь до него никому не было дела. Он мог беспомощно кричать с верхнего этажа своим хриплым голосом:

— Эй!.. Горячей воды!.. Воды для бритья!..

И никто не обращал внимания. Не раз Соррелл находил его на лестничной площадке в старом синем халате. Палфри стоял и плакал.

— Я… хочу… завтрак.

Завтрак ему подавали в спальню, и Соррелл сам взял на себя обязанность приносить несчастному воду для бритья и поднос с едой. В Палфри он видел лишь оболочку человека. Человека, которого уже пожрали.

— Ты хороший парень, Стив. А я теперь никто. Кому я нужен?

— Мне, сэр.

Палфри неожиданно схватил его за руку.

— Никогда не женись, Стив. Никогда не позволяй женщине завладеть тобой. Она тебя сожрёт.

И Соррелл понял. Однажды вечером, уложив умирающего Палфри в постель, Соррелл вышел из его комнаты и увидел Флоренс на площадке. Здесь было плохо освещено. Она стояла у лестницы, положив руку на перила, словно остановилась на полпути. На ней было чёрное платье с глубоким вырезом, обнажавшее руки до плеч. Рука Соррелла всё ещё лежала на

дверной ручке комнаты Джона Палфри. Внезапное появление Флоренс взволновало его. Ему хотелось поскорее пройти мимо неё и спуститься вниз. Он чувствовал запах её духов. Соррелл направился к лестнице.

Но Флоренс не сдвинулась с места. Она загораживала проход, и, чтобы спуститься, ему пришлось бы почти протиснуться между ней и стеной.

— Уложил его?

Она смотрела Сорреллу прямо в глаза, словно одним взглядом пыталась подавить остатки его независимости.

— Теперь ему недолго осталось.

В её голосе прозвучало холодное, безжалостное многозначие. Будто она давала понять, что прекрасно понимает его мягкосердечие и снисходительно относится к этой детской слабости, одновременно уже предлагая ему некий молчаливый заговор относительно будущего. Что ж, она могла спокойно лежать в своей клетке и ждать этого странного человека с его нелепой порядочностью. Соррелл был потрясён. Внутри него что-то вспыхнуло. Он мог бы ударить её. Мог бы в ярости сбросить с лестницы, осыпав проклятиями. Но за её фигурой ему словно привиделось лицо сына.

— Всё это довольно мерзко… для мужчины, — сказал он.

Перед ней ему вдруг стало стыдно. Соррелл посмотрел вниз, в лестничный пролёт, а затем резко и неловко произнёс:

— Простите.

Он протиснулся мимо неё и спустился. Ему нужен был воздух. Нужно было остаться одному — где-нибудь под звёздами. Рискнув самовольно покинуть свой пост, Соррелл вышел на Хай-стрит и направился к Рыночной площади. Она была пуста. Над верхушками вязов висела огромная жёлтая луна, а рядом чернели башни собора. Без шляпы, в одной рубашке, Соррелл ходил взад и вперёд по площади. Ему отчаянно хотелось броситься на Флетчерс-лейн, схватить Кристофера и крепко прижать к себе. «Единственное чистое, что у меня осталось». Губы его скривились, словно ему хотелось сплюнуть.

«Господи! Оставить человека умирать вот так — как кусок гниющего мяса, брошенный в угол! А если мне самому когда-нибудь придётся так умирать? Будь она проклята!» Он лихорадочно искал способ вырваться отсюда. Но как? Необходимость держала его на цепи. А если порвать её и рискнуть? Он уже откладывал деньги — совсем немного. Если удастся накопить достаточно, чтобы получить хотя бы короткую передышку, появится время осмотреться и найти другое место. Главное — мальчик. А если он, взрослый мужчина, сдастся? Позволит себя уговорить? Позволит себя сожрать? Но зачем вообще быть таким щепетильным? Всё ведь было бы так просто.

Флоренс намекала достаточно откровенно. И всё его существо отвечало: «Тьфу!» Занять место этого несчастного пьяницы, а потом, когда кошачьему созданию надоест новая игрушка, самому оказаться вытолкнутым за последнюю границу человеческого достоинства? Нет. Соррелл сопротивлялся. Он не осознавал всей природы этой борьбы. Не видел в ней одного из тех первобытных кризисов человеческой жизни, когда нечто более сильное, чем простые желания, заставляет человека подняться ещё на одну ступень по отвесной скале. Он цеплялся за свои убеждения. И за единственное человеческое существо, которое действительно имело для него значение.

Соррелл не собирался спускаться в эту сомнительную грязь и потом чувствовать её на себе, встречаясь глазами с сыном.

— Будь она проклята. Я выдержу.

И он вернулся в гостиницу. Глаза его смотрели так же, как когда-то в самые страшные минуты войны.

3

Лихорадочная деятельность Соррелла не прекращалась. Казалось, он пытался забыться в отчаянной борьбе с бесчисленными проявлениями неряшливости в «Ангеле», спрятаться в облаке пыли, поднятом собственной неуёмной энергией. Он ни минуты не сидел без дела. Метался по своей клетке: подметал, натирал, прибирал, переносил вещи. Его неутомимость заметили даже завсегдатаи «Каморки».

— А этот твой парень, Фло, прямо-таки полон сил.

— А почему бы и нет? Он ведь не состоит в профсоюзе.

— Странный тип. Похоже, считает, что твоей гостинице не мешало бы хорошенько помыться.

— Вполне возможно.

— Ну, знаешь! Это уже чересчур. Эй, Боб, старина! Протискивайся сюда. Что будешь пить?

В этом пошлом мирке отвращение Соррелла стало слишком постоянным и слишком ощутимым. Он начал бояться еды. По ночам просыпался от тугой боли под рёбрами. Соррелл подумывал обратиться к врачу, но понимал, что врач ему не нужен. В конце концов он выбрал более дешёвый выход и зашёл в аптеку. Покупателей там не было. Через прилавок, заставленный коробочками с мылом, мочалками и зубными щётками, Соррелл поведал аптекарю о своей беде.

— У меня несварение. Не дадите чего-нибудь?

Аптекарь был маленьким бесцветным человеком с тонкими, странно сжатыми губами.

— После еды болит?

— Да.

— Долго?

— По-разному.

Соррелл встретил его внимательный взгляд.

— Похоже, вам нужен тоник. Вы измотаны. Я вам кое-что дам.

Сорреллу пришлось пожертвовать драгоценными тремя шиллингами и девятью пенсами на бутылочку тонизирующей микстуры и таблетки.

— От вздутия тоже помогут.

Но лекарство не помогло. Соррелл жил в постоянной тревоге, работал сверх сил, плохо питался и сразу после еды снова куда-то бежал. Непрекращающаяся боль и дурное самочувствие постепенно угнетали его. Он всё меньше чувствовал себя мужчиной и всё больше — больным животным, запертым в клетке. Порой на него находила мрачная апатия, и тогда внутренний голос принимался искушать: «Какой во всём этом смысл? Ты неудачник. Даже твоё жалкое тело оказалось неудачным. Почему бы не сдаться? Перестать цепляться и просто покатиться вниз? В конце концов, из-за чего весь этот шум? Из-за женщины, мальчишки и какого-то приключения, над которым большинство мужчин только посмеялось бы? Ты дурак».

Кит заметил перемену в отце. Глаза Соррелла теперь выглядели напряжёнными, белки помутнели. Он ещё сильнее сутулился и, сидя на скамье под вязом, никак не мог устроиться удобно. Весь его облик говорил об усталости и унынии. Но Кристофер не решался задавать вопросы.

— Эта работа тебя очень утомляет, папа.

— Немного. Привыкну.

— А нельзя найти… что-нибудь другое?

— У меня есть план, — сказал Соррелл.

Он постоянно говорил об этом плане. И чем труднее казалось его осуществить, тем упорнее Соррелл думал о нём. План был подобен воображаемому солнцу, которое почти всё английское лето скрывается за облаками, но всё-таки существует и, возможно, когда-нибудь в следу-

ющем году снова засияет. Перед мальчиком Соррелл заставлял себя выглядеть уверенным. Он понимал: Кристофер — единственный живой человек, который в него верит.

И Сорреллу необходимо было, чтобы сын продолжал верить в него — особенно в те минуты, когда он сам начинал терять веру в себя. В доверии юности заключалась удивительная сила. Однажды Сорреллу стало совсем плохо. Лицо осунулось и приобрело сливочно-бледный оттенок, но он продолжал ходить по гостинице и силой заставлял себя работать. Соррелл прибирал разбросанные газеты в комнате для коммивояжёров, когда туда бесшумно вошла Флоренс.

— Ты плохо выглядишь, Стивен.

В её голосе звучала соблазнительная мягкость. Соррелл пробормотал что-то о том, что, должно быть, обед пришёлся ему не по желудку.

— Ты слишком суетишься, — сказала она.

Он продолжал складывать газеты, чувствуя, что её присутствие излучает какое-то ложное солнечное тепло.

— Если бы захотел, ты мог бы… делать гораздо меньше, странный ты человек.

Соррелл понял её.

— Это моя работа.

— Как хочешь.

Она вышла. Соррелл остался один. Несколько секунд он ещё стоял возле стола, потом медленно опустился в кресло и обхватил голову руками.

ГЛАВА V

1

Соррелл стоял, прислонившись к одной из белых ионических колонн, поддерживавших выступающее окно, когда перед гостиницей «Ангел» остановился автомобиль винного цвета. Это была двухместная машина. За рулём сидел мужчина в сером костюме и мягкой серой шляпе. Лицо его было сильно загорелым. Он поманил Соррелла.

— У вас есть свободные комнаты?

— Да, сэр.

Голос Соррелла удивил незнакомца. Это было заметно по тому, что он задержал на нём взгляд чуть дольше, чем требовалось.

— Хорошо. Машина здесь никому не помешает?

— Нет, сэр. Не хотите сразу поставить её в гараж?

— Чуть позже.

Мужчина вышел из автомобиля и, стоя на тротуаре, посмотрел на окна гостиницы. На вид ему было примерно столько же лет, сколько Сорреллу. Крепкий, широкоплечий, но без тяжеловесности; со свежей загорелой кожей, голубыми глазами и твёрдым, но добрым ртом. Двигался он легко. В спокойном взгляде и размеренных движениях чувствовался человек рассудительный, не слишком разговорчивый, мужественный, но не привыкший бездумно бросаться навстречу жизни.

В нём было что-то, сразу расположившее к себе Соррелла: свежесть, очевидная физическая сила, спокойная манера смотреть собеседнику прямо в глаза, а потом вдруг улыбаться простой и приятной улыбкой. Соррелл знал на войне одного или двух таких людей. Из них получались хорошие солдаты. Незнакомец вошёл в гостиницу, а Соррелл остался возле автомобиля. Ему нравился глубокий цвет машины, компактная приборная панель с блестящими приборами, аккуратно сложенный кожаный верх. Соррелл и сам не отказался бы от такого автомобиля, но совершенно не завидовал его владельцу. За спиной снова прозвучал спокойный приятный голос:

— Всё в порядке. Я заеду во двор.

По тому, как новый постоялец осмотрел двор «Ангела», Соррелл сразу понял: увиденное ему не нравится. Самому Сорреллу двор тоже не нравился.

— Закрывающихся боксов нет?

— Нет, сэр.

— Нужно починить камеру.

— Я отнесу её в мастерскую, сэр. Багаж сзади?

— Да.

Соррелл достал тяжёлый кожаный саквояж, чемодан и портфель.

— Вы знаете номер своей комнаты, сэр?

— Пятнадцать.

Постоялец остановился у окошка конторы, чтобы расписаться в книге регистрации, а Соррелл понёс вещи наверх. Пятнадцатый номер ничем не отличался от остальных спален «Ангела». Соррелл уже привык к этим комнатам, но порой их унылая небрежность всё ещё бросалась ему в глаза. Он расстегнул ремни саквояжа и спустился вниз. Новый постоялец разговаривал с миссис Палфри, причём у Соррелла возникло впечатление, что беседу начала именно она. Мужчина повернулся к нему.

— Куда идти?

— Сюда, сэр. Первый этаж, вторая дверь слева.

Когда он скрылся на лестнице, Соррелл взглянул в книгу регистрации. Томас Роланд. Лондон. Почерк оказался похож на самого человека — широкий, уверенный, лишённый всякой вычурности. Минут через пять Соррелл приводил в порядок журналы и газеты в гостиной, когда услышал настойчивый звонок. Звонили наверху. Он поднялся и увидел мистера Роланда возле двери номера пятнадцать.

— Разве здесь нет дежурной горничной?

— Должна быть, сэр.

— У меня нет ни полотенец, ни мыла. И горячую воду никто не принёс.

— Простите, сэр.

— И посмотрите вот на это.

Соррелл посмотрел и чуть приподнял плечи.

— Эти проклятые девчонки… Я сам всё устрою, сэр.

Он вышел на площадку.

— Мэгги! Мэгги!

Но никакая Мэгги не появилась. Она находилась где-то внизу, у одного из многочисленных чёрных ходов, и была слишком занята представителем противоположного пола. Соррелл отправился в кладовую горничных, взял полотенца и горячую воду, а из другой спальни позаимствовал новый кусок мыла. Мистер Роланд распаковывал саквояж. На кровати уже лежала пижама в оранжево-синюю полоску.

— Спасибо.

Больше он ничего не сказал. Но улыбнулся Сорреллу и посмотрел на него тем спокойным, внимательным взглядом, который тот уже заметил. Спускаясь вниз, Соррелл ощущал неожиданное душевное тепло. В этом человеке было что-то приятное, человеческое и здоровое. Соррелл задумался: кто такой Томас Роланд и чем он занимается? Тем временем Роланд прервал распаковку вещей, сел на кровать и стал разглядывать комнату, словно она представляла для него особый интерес. Его действительно интересовали комнаты. А ещё он был человеком, замечавшим детали. Мысли следовали непосредственно за тем, что видел глаз.

«Шкафа нет. И куда, чёрт возьми?.. Краска зелёная, выцветшая. Обои грязные — гирлянды розовых роз между чёрными и белыми полосами. На двери не хватает одного крючка. Ковёр… хм. Интересно, сколько грязи вытянул бы из него пылесос. Латунная кровать — одной шишечки нет. Жёлтый комод — одной ручки нет». Он поднялся. «Держу пари, ящики заедают, а внутри вместо подкладки лежит прошлогодняя „Дейли мейл“». Так оно и оказалось. Осмотр продолжился.

«Зеркало держится благодаря засунутому клочку бумаги. Штора порвана. Японские циновки на полу — только сжечь. У помойного ведра нет ручки. Мраморная столешница умывальника в пятнах. Стакан для зубных щёток грязный. Над умывальником — реклама дезинфицирующей жидкости Jeyes. Над камином — расценки и реклама местных торговцев. Простыни требуют штопки. Одеяла… Ну да. Именно так». Роланд снова принялся распаковывать вещи и размышлять.

«Сколько таких мест я объехал за последний месяц? Наверное, с дюжину. И из всей дюжины только одна гостиница содержалась прилично. Неряшливые дыры — особенно в этих соборных городках. Прямо под носом у хозяев лежит великолепная возможность, а они думают только о выпивке и баре!» Он выставил за дверь ботинки. «И ведь ещё имеют наглость брать приличные деньги. Предлагают тебе неряшливость во всех видах, невнимание, скверную еду — и требуют по высшему тарифу. Вот хотя бы это место. Никому ни до чего нет дела. Кроме того носильщика. Ни надзора, ни дисциплины, ни совести».

Из блестящего кавалерийского походного котелка Роланд достал несессер. Обе половинки котелка служили футлярами для губки, мочалки, щётки для ногтей и зубной щётки. Он взглянул на треснувший таз гостиницы. «Нет уж, благодарю. Определённо нет». Потом посмот-

рел в окно. Во дворе лежали гниющие остатки старого экипажа, груда бутылок и развалившаяся собачья конура. «Весёленький вид! Интересно, что этот носильщик здесь делает? Странный человек. Старается, хотя выглядит больным. Голос джентльмена. И глаза тоже. Работу свою делает». В пять часов мистер Роланд спустился в гостиную и позвонил официантке: ему хотелось чаю. Пришлось звонить дважды.

Наконец появилась девушка с таким видом, словно ответить на звонок было последним, чего от неё могли ожидать.

— Чаю, пожалуйста.

— На одного?

— На одного.

Она ушла. Роланд прождал двадцать минут. Когда поднос наконец появился, он заметил, что девушка забыла налить молоко в молочник.

— Я пью чай с молоком.

Девушка схватила молочник и унеслась. Соррелл в это время раскладывал письма под тесёмками зелёной доски для корреспонденции. Обернувшись, он случайно встретился глазами с Роландом. Между ними промелькнула едва заметная улыбка — понимающая и сочувственная.

— Вы не забыли про камеру?

— Нет, сэр. Уже починили. Я положил её в машину.

— Вы заплатили?

— Да, сэр. Два шиллинга.

— Спасибо.

Из руки Роланда в ладонь Соррелла перешла двухшиллинговая монета. Их глаза снова встретились. Оба улыбнулись. Сорреллу стало легче на душе, хотя, казалось бы, особых причин для этого не было. Он поднялся в номер пятнадцать, забрал две пары коричневых ботинок мистера Роланда и начистил их так, как их, вероятно, не чистили уже целый месяц.

2

Ужин запаздывал. Роланд сидел в гостиной и разговаривал с крупным добродушным мужчиной, чьё добродушие под воздействием голода быстро сменялось раздражением. Тот спрашивал своего случайного собеседника, почему работа, которая выполняется изо дня в день и всегда одинакова, никак не может поспевать за часами.

— Мы ругаем машины, но, чёрт возьми, у них хотя бы есть ритм.

Роланд тихо рассмеялся.

— Думаю, когда ужин всё-таки появится, ничего выдающегося нас не ждёт. Я даже могу предсказать меню.

— Угадаете?

— Нет. Закон средних величин. Начнём с томатного супа, затем получим жёсткие отбивные, варёный картофель и капусту, после этого — фруктовый салат, консервированные абрикосы и тушёный чернослив. А закончим довольно скверным сыром.

— Мне всё равно, что там будет, — сказал раздражённый мужчина. — Я уже готов пойти и сам ударить в этот чёртов гонг.

Гонг прозвучал без десяти восемь. Войдя в столовую, Роланд увидел обычные небольшие столики, расставленные возле окон и вдоль стен. На каждом стоял потёртый прибор со специями, с которого почти полностью сошло серебрение, и вазочка с дежурными цветами. Посередине находился длинный общий стол. Роланд дождался официантку, сохраняя вид заинтересованного наблюдателя.

— Один, сэр?

— Да, пожалуйста.

Девушка указала на длинный стол. Роланд улыбнулся.

— Я предпочитаю отдельный столик.

— У нас только столики на двоих или четверых, сэр.

— Они все заказаны?

— Нет.

Он снова улыбнулся.

— Если мне удалось получить отдельную спальню, полагаю, я могу получить и отдельный стол. Вы ведь не поселили меня в общей спальне. Благодарю.

Роланд принадлежал к редкой породе людей, которые не только придумывают, что следовало бы сказать, но действительно это говорят — и при этом улыбаются. Отдельный столик ему предоставили.

— У вас есть меню?

— Нет, сэр.

— А что сегодня на ужин?

— Томатный суп. Ростбиф с овощами. Фруктовый салат.

Роланд поймал взгляд раздражённого мужчины, разворачивавшего салфетку за соседним столиком.

— Я ведь назвал вам меню. Ошибся только в одном.

— В чём?

— Ростбиф вместо отбивных.

— А-а!

— И «овощи». Удобное и всеобъемлющее слово — «овощи».

После ужина Роланд вышел прогуляться в прохладе летнего вечера. Небо было беспокойным и одновременно удивительно тихим. Огромные деревья соборного квартала словно обвели по краям золотом. Роланд вошёл под их сень и остановился перед западным фасадом собора. Великолепное окно, глубоко посаженное между двумя башнями, аркады и ниши — вся эта серая, тонкая тишина, воплощённая в камне. Газоны под защитой старых деревьев походили на богатый зелёный бархат. Их освежала влага, поднимавшаяся от воды возле епископского дворца, и даже после жаркой недели трава оставалась ярко-зелёной. Над тюдоровскими воротами дворца Роланд видел позолоченный купол и часы.

Он медленно пошёл вдоль садов каноников, время от времени останавливаясь у старых ворот и заглядывая внутрь. Случайная прогулка привела его к огромному вязу. Под деревом на скамье сидели мужчина и мальчик. Соррелл как раз рассказывал Кристоферу о Томасе Роланде. Он и сам не понимал, почему заговорил с сыном о человеке, который был всего лишь случайным постояльцем гостиницы. Но Соррелл не стал сопротивляться этому порыву, а затем с удивлением обнаружил, как много ему хочется сказать.

— Вот я и начистил ему ботинки, сынок. Так начистил — просто блеск.

Кит заметил странное сияние в глазах отца.

— Удивительно, как иногда душа и рука сами тянутся к человеку. Рядом с ним мне вдруг стало хорошо и спокойно. Я понял, что готов сделать для него всё что угодно и что он никогда не попросит меня сделать что-нибудь грязное. Инстинкт. Знаешь, он выглядит так, словно только что вышел из моря — когда вода совсем синяя, а солнце ослепительно сияет над жёлтым песком.

Роланд заметил Соррелла раньше, чем тот увидел его. Соррелл сидел, подавшись вперёд, сцепив руки между коленями и глядя в землю. Роланд направился к ним. Почувствовав чьё-то присутствие, Соррелл поднял голову — сначала настороженно, а затем улыбнулся.

— Ваш сын?

— Да, сэр. Кристофер, это мистер Роланд.

Кит поднялся и снял кепку. Несколько мгновений мальчик и Роланд спокойно рассматривали друг друга.

— Он живёт при «Ангеле»?

— Нет. Я устроил его на пансион. Мы проводим вместе один час, когда я свободен.

— Значит, вам дают час?

— Да.

Соррелл смотрел на ботинки Роланда и думал, заметил ли тот, как тщательно были начищены две другие пары, оставшиеся в номере пятнадцать. Роланд сел на скамью и положил большую загорелую ладонь на плечо Кита.

— Садись, старина.

Он набил трубку.

— Здесь удивительно спокойно. Вы бываете на службах в соборе?

— Не часто.

— Я бывал, — сказал Кит. — Там хорошо, если хочешь побыть один… когда играет орган.

Роланд медленно кивнул.

— Знаю. Служба. Полный хор, полдюжины священников, три одинокие женщины, служитель и целый лес пустых стульев. Орган грохочет, а голос мальчика взлетает под серую крышу, словно птица. Может быть, несколько туристов стоят у западного входа в неф. На меня это всегда действует странно.

Кит серьёзно смотрел на него.

— Странно? Почему?

— Будто внезапно проваливаешься через люк в другой мир. Не в наш. В те времена люди тоже видели закат сквозь деревья. Наверное, смотрели на звёзды. А ты когда-нибудь смотришь на звёзды?

Последний вопрос был обращён уже к Сорреллу.

— Нет… почти никогда. Даже не задумывался.

— Вот именно.

— Слишком занят или слишком устал. Да и всё время под крышей. А вот в окопах я часто на них смотрел.

— Так вы тоже там были, — сказал Роланд, раскуривая трубку.

Раскурив её, он поднялся. Несколько мгновений постоял перед Сорреллами, улыбнулся и слегка наклонил голову в сторону воды, по которой золотыми пятнами скользил вечерний свет.

— Пожалуй, прогуляюсь туда. Лебедей ведь всё ещё держат?

— И ещё там два павлина, сэр.

— В епископском саду. Помню. Значит, как и мы, они пережили войну. Доброй ночи.

Соррелл и Кит смотрели ему вслед. Роланд шёл к воде — очень прямо, почти по-военному, и вместе с тем удивительно легко.

— Мне нравится этот человек, — сказал Кит. — Он… он…

Мальчик пытался подобрать какое-то определённое слово.

— Как это называется, папа, когда чувствуешь себя совсем близко с человеком, которого никогда раньше не встречал?

— Симпатия?

— Нет. Не совсем. Не могу подобрать.

— Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал отец.

3

На первом этаже «Ангела», в конце тёмного коридора, находилась небольшая полутёмная гостиная — затхлая и унылая. На стенах висели гравюры с картин Ландсира, пол покрывал киддерминстерский ковёр. За латунной каминной решёткой стояла дешёвая японская ширма — чёрная с золотом; с одной стороны от неё помещался ящик для угля под красное дерево, с

другой — маленький столик. На выцветших обоях по тускло-серому фону каким-то странно разобщённым образом цвели бледно-розовые розы.

На восьмиугольном столике лежало несколько книг: путеводитель «Данлоп», переплетённые номера «Иллюстрейтед Лондон ньюс» двадцатилетней давности, стихи Теннисона и латинская грамматика. Каким образом сюда попала латинская грамматика — одному богу известно, но она так и оставалась лежать здесь просто потому, что никому не приходило в голову её убрать. Позолоченные часы, не тикавшие, казалось, со дня смерти королевы Виктории, спасались от пыли под стеклянным колпаком на белой мраморной каминной полке. По обе стороны от них два бронзовых всадника в доспехах грозили друг другу оружием.

Кресла принадлежали к той сомнительной породе мебели, у которой на деревянных подлокотниках красовались тугие валики обивки, затянутые тканью, напоминавшей ливрею лакея шестидесятилетней давности. В эту комнату почти никто не заходил. Окна всегда оставались закрытыми, и гостиная словно жила взаперти в собственной тёмной затхлости. Изредка здесь сидела какая-нибудь одинокая женщина, вязала, брала со стола книги, перелистывала их и снова клала на место. Но у женщин, сидевших в этой комнате, обычно не было мужчин.

Если же какой-нибудь мужчина случайно открывал дверь, он заглядывал внутрь, окидывал взглядом безжизненное одиночество комнаты и немедленно исчезал. Дверь здесь никогда не оставляли открытой. Её тщательно закрывали, словно пустоту этой комнаты следовало держать под замком. Однажды Соррелл спускался по лестнице и вдруг услышал странные звуки, доносившиеся из тёмного коридора. В гостиной стояло пианино. Кто-то играл. И играл необыкновенно хорошо — с чувством, сильным, глубоким звуком. Соррелл остановился.

Музыка — такая музыка — была настолько чужда этому беспорядочному дому, что он почувствовал себя человеком, который среди грохота фабричного двора вдруг услышал пение чёрного дрозда. Его пронзила почти сладостная боль. Соррелл стоял, ощущая, как сжимается горло и внутри поднимается странное, глубокое волнение. Пианист играл Шопена. Когда Соррелл остановился послушать, звучала Первая прелюдия. Затем последовала «Колыбельная», а после неё — этюд ля-бемоль мажор.

Прислонившись к стене, Соррелл почувствовал, как память уносит его назад, в юность, когда он сидел и мечтал в лондонском Куинс-холле. Романтика. Те дни, когда он воображал… Но кто же играл? Час назад к гостинице подъехал автомобиль с двумя или тремя женщинами. Соррелл отнёс наверх их багаж, однако эти дамы скорее наводили на мысль о рэгтайме, чем о Шопене. Любопытство взяло верх. Он приблизился к двери гостиной, убеждая себя, что вполне может войти туда под предлогом поисков кого-нибудь из постояльцев. Нужно только дождаться паузы. Прислонившись к стене напротив двери, Соррелл позволил волнам прекрасных звуков проходить сквозь него.

Музыка умолкла. Он уже собирался пересечь коридор, когда дверь открылась. На пороге стоял мистер Роланд. Лицо его сияло каким-то счастливым восторгом.

— А, вот вы где!

Соррелл выпрямился.

— Простите, сэр. Я слушал. Это вы играли?

— Да.

Мужчины посмотрели друг на друга. И свет, сиявший на лице Томаса Роланда, словно передался Сорреллу. На одно короткое мгновение они оказались вместе в ином мире — мире таинственных звуков и символов. И жизнь ещё немного приблизила их друг к другу.

ГЛАВА VI

1

Томас Роланд был наблюдательным человеком, но не просто наблюдателем. Он видел гораздо больше, чем показывал. Он чувствовал атмосферу. Это была музыкальная сторона его натуры. Практическая же позволяла ему спокойно сидеть в кресле с книгой и наблюдать так, что никто не замечал наблюдения. Его невозмутимая основательность настолько вводила окружающих в заблуждение, что они видели лишь человека, сидящего с книгой. Интерес Роланда к жизни был всеобъемлющим, но вместе с тем взыскательным. Он мгновенно замечал необычного человека или ситуацию, в которой скрывалось что-нибудь интригующее. Первоначально Роланд собирался провести в Стонтоне два дня.

Два дня превратились в неделю. Его заинтересовал Стивен Соррелл — и как практического человека, и как знатока человеческой природы. А затем его заинтересовала и та ловушка, в которой оказался Соррелл. Сидя в углу гостиной и наблюдая поверх книги, Роланд не мог не заметить почти фанатичной деятельности носильщика, его основательности, его бесконечной борьбы с авгиевыми конюшнями неряшливости «Ангела». Соррелл никогда не оставался без дела.

Его худощавая, чуть сутулая фигура с тёмной головой, бледным лицом и сосредоточенными, немного печальными глазами постоянно мелькала то здесь, то там. Казалось, он беспрестанно ищет, что ещё можно сделать: очищал пепельницы, вытирал столы, собирал разбросанные газеты и журналы, раскладывал их по местам. Это не было пустой суетливостью или показным усердием. Какая-то настойчивая внутренняя сила гнала этого человека вперёд. И одновременно Соррелл словно сопротивлялся мучительному давлению извне. Именно так понимал его Томас Роланд. А ещё была эта женщина с медно-золотыми волосами. Львица. Существо, лежавшее в своём логове.

Роланд никак не мог понять её отношения к Сорреллу. Она постоянно его изводила, находя какой-нибудь ничтожный предлог, чтобы послать с поручением. Разговаривала с ним с какой-то странной, почти интимной грубостью. Она напоминала женщину с хлыстом, которая испытывает первобытное удовольствие, слегка ударяя мужчину — мучая его просто ради того, чтобы узнать, сколько он способен вытерпеть.

— Стивен, сбегай к Пэвитсу. Эти болваны забыли рыбу. Принесёшь сам.

Или:

— На колени, дружок, и вымой этот холл. Смотреть противно.

Или:

— Эй, Стивен! Постоялец из седьмого номера жалуется, что у его автомобиля погнули крыло. Что? Ты ничего об этом не знаешь? А для чего, по-твоему, ты здесь находишься?

В её преследовании была хитрая несправедливость. Казалось, Флоренс специально наблюдала за работой Соррелла, чтобы затем наброситься на него и обвинить именно в том, чего он никогда не забывал делать. Она вылетала из своей «Каморки» и обнаруживала в пепельнице спичку и окурок.

— Стивен!

— Да, мадам.

В глазах мужчины появлялось нечто очень похожее на страх.

— Почему ты не очищаешь пепельницы? Я тебе уже десяток раз говорила.

— Я очистил их десять минут назад, мадам.

— Ой, только не рассказывай мне! Вот, полюбуйся.

Роланд не понимал, почему Соррелл всё это терпит. Да и поведение самой женщины казалось нелогичным. Если уж она изображает такую страсть к порядку, почему придирается к единственному человеку среди всей прислуги, который действительно выполняет свою работу как следует? Потому что он мужчина? И явно оказался не на своём месте? Почему она не поднимется наверх и не займётся молодыми девицами, которые заметают пыль под кровати и запихивают мусор за каминные решётки?

Почему не проследит за столовым серебром и не обнаружит, что на каждой третьей вилке между зубцами остались следы предыдущей трапезы? Пять дней Томас Роланд наблюдал за этой странной игрой, не показывая, что замечает её. Между ним и носильщиком «Ангела» уже возникла молчаливая симпатия. Один оказывал услуги и делал это от всей души. Другой принимал их именно так, как они были предложены. На шестой день, вскоре после чая, гостиная случайно опустела, а Львица покинула своё логово. Роланд сидел с книгой и наблюдал поверх неё за Сорреллом. Тот совершал обычный обход, переходя от столика к столику. Роланд обратил внимание на его руки — умные, с длинными пальцами.

Они двигались быстро и ловко, хотя немного торопливо. Соррелл подошёл к столику Роланда. Тот опустил книгу и посмотрел на него.

— Что вы здесь делаете?

— Навожу порядок, сэр.

— Нет. Я не об этом.

Во взгляде Соррелла не появилось обиды. Он вытряхнул содержимое пепельницы Роланда в старый металлический цветочный горшок, который использовал вместо мусорной корзины.

— У меня есть сын. Вы его видели.

— Отец ради сына вместо сына ради отца! Мне даже не нужно спрашивать, ненавидите ли вы эту работу.

— Дело не в самой работе, сэр. Работать необходимо.

— Значит, дело в этом месте. И всё-таки вы держитесь. На то должна быть причина.

— Необходимость.

Роланд удобнее устроился в кресле.

— Послушайте, Стивен… А фамилия у вас какая?

— Соррелл, сэр.

— Звание?

— Разве это имеет значение?

— Я человек обстоятельный. Ну, скажем так: от одного мужчины другому.

— Капитан.

— Только на время войны?

— Да.

— Награды?

— Военный крест.

— А я не получил ничего, кроме упоминания в донесениях. Сегодня вечером вы выходите?

— Думаю, да, сэр.

— Тогда встретимся у того вяза и поговорим. Только, если можете, сегодня один раз оставьте мальчика дома.

Соррелл замер, глядя на только что очищенную пепельницу. Лицо стало предельно серьёзным. Правой рукой он стиснул лацкан пиджака.

— Этот разговор, сэр… он личного характера?

— Настолько личного, насколько пожелаете.

— Я хочу сказать… сейчас для меня всё настолько… дьявольски серьёзно. Когда едва держишься и уже задыхаешься… Это как дурная погода. Боишься даже надеяться, что выглянет солнце.

Выражение глаз Томаса Роланда изменилось.

— Смотря что для вас можно считать солнечным светом. Относительно, конечно. Предположим, вам пришлось бы заниматься примерно той же работой, но в совершенно другой обстановке. Это было бы солнцем?

— Безусловно.

— Тогда договорились. В половине девятого у вяза. Это место невозможно.

2

Самым удивительным оказалось то, что мистер Роланд держал гостиницу — вернее, собирался её держать. Они сидели под большим вязом, и Роланд объяснял.

— А чем, по-вашему, я занимаюсь?

— Понятия не имел, — признался Соррелл.

— Возможно, ничем. Я немного помешан на музыке, а после войны никак не мог осесть на месте — просто болтался туда-сюда. Но есть во мне и практическая часть, и в конце концов она начала возмущаться.

Он откинул голову к стволу дерева. Роланд улыбался самому себе, и для Соррелла, столько времени прожившего в мире, который разучился добродушно улыбаться собственной жизни, эта улыбка была подобна музыке Роланда. Она словно впускала человека внутрь его большой и мудрой души.

— Болтался без дела, изображал дилетанта, сочинял песенки и всё мечтал написать оперу. И ведь могу написать. Но, дорогой мой, какие странные бывают повороты. Как странно мы на них реагируем. Однажды я встретил человека, которого терпеть не могу, — какую-то финансовую знаменитость или нечто в этом роде. «А, Роланд, всё ещё музыку пописываете?» И меня будто подбросило. «Будь прокляты эти коммерсанты, — подумал я. — Вот бы доказать им, что их игра легче моей».

Он усмехнулся.

— Но, знаете, в его словах всё-таки была доля истины. Он задел меня. Полезный урок можно получить даже от человека, которому ты не нравишься, если не настолько закостенел, чтобы отмахнуться от него. Я слишком уж стал лондонским. Сел в машину, отправился колесить по стране — и тут идея сама начала бросаться мне в лицо. Она плавала в супе. Поджидала меня в спальнях. Эти английские гостиницы! Я всё думал: неужели во всей Англии не найдётся и полудюжины людей, способных содержать загородную гостиницу так, как её следует содержать? Похоже, таких действительно очень мало.

Он постучал трубкой по ладони.

— И тогда меня осенило: почему бы самому не взять гостиницу и не доказать себе, что я способен управиться? Практический этюд вместо бесконечного Шопена. Вот этим я сейчас и занимаюсь.

Снова появилась его приятная, чуть озорная улыбка. Роланд обычно говорил мало, но если мысль захватывала его своим ритмом, он начинал говорить короткими, энергичными фразами — метко и живо. Он рассказал Сорреллу, как после появления этой идеи принялся продумывать предприятие до мельчайших подробностей.

— Вот здесь люди с воображением и должны иметь преимущество перед чистыми коммерсантами. Если у нас действительно есть способность видеть дальше собственного носа, разве наш взгляд не должен быть шире взгляда человека, который умеет только считать деньги?

Целый день он провёл над картами и расстояниями. Роланд сразу понял: главный человек для такой гостиницы — автомобилист. Именно его надо привлечь. Именно для него создать удобства.

— Мне показалось, что гостиница должна находиться на одной из главных дорог на юго-запад — примерно на полпути между Лондоном и Эксетером. Я очертил на карте район, отметил наиболее подходящий центр для своей паутины, а потом сел в машину и поехал смотреть.

Он снова прикурил трубку и, бросая использованную спичку, улыбнулся Сорреллу.

— Я вас не утомляю?

— Разве это возможно?

Роланд продолжил. Он искал идеально расположенную гостиницу. И нашёл её. Старый постоялый двор под названием «Пеликан», стоявший возле главной дороги на окраине Уинстонбери.

— Название сразу понравилось. «Пеликан». Необычно. И расположен именно так, как мне нужно. Большое старое здание — красное с белым, частью времён королевы Анны, частью георгианское. Стоит отдельно. Есть атмосфера. Есть куда расширяться. Хороший сад, старые деревья. Хозяева гостиниц почти никогда не задумываются об атмосфере сада. Унылые люди.

Роланд загибал пальцы.

— Кроме того, «Пеликан» хорошо виден с дороги. По обе стороны — триста или четыреста ярдов прямого шоссе. До школы Хэдли меньше двух миль — родители, сами понимаете. В двух милях Баргрейв-хаус, куда все американцы ездят поклониться памяти одного из своих великих людей. Теперь дороги для обычного туриста: до Лондона около ста миль; Солсбери — примерно тридцать; Бат — тридцать две; Челтнем, Котсуолдс тоже недалеко; Эймсбери и Стоунхендж. Эксетер прямо дальше по юго-западной дороге. Глостер. Долина Уай. Вот вам и всё.

Он помолчал.

— «Пеликан» уже имеет определённую репутацию. Чистый, немного старомодный. Я предложил купить его.

Лицо Роланда стало серьёзнее.

— Я вкладываю в это дело почти весь капитал. Либо выплыву, либо утону. Но если веришь в собственную теорию, надо быть готовым поставить на неё деньги. В торговле тоже требуется мужество. Это приключение.

Через месяц он должен был принять гостиницу.

— Вы скажете: конец сезона, странное время. Нет. Нужно многое перестроить, кое-что достроить. Пока займусь организацией. А затем возникает вопрос персонала.

К этому Роланд относился особенно серьёзно. Хороший штат был для него столь же важен, как само здание.

— Сейчас подобрать людей трудно. Поэтому выбираю чрезвычайно тщательно. Мне нужны характер, совесть и прежде всего — улыбки. Нужны люди, которые будут гордиться своей работой и захотят остаться. Я собираюсь хорошо платить, нормально кормить и прилично размещать персонал.

Он оживился.

— А если дело пойдёт, если мы поймаем поток автомобилей на дороге, персоналу тоже будет хорошо. Представьте: может быть, шестьдесят спален, каждую ночь почти полная гостиница, постоянная смена постояльцев. И чаевые — от людей, которые всё время приезжают и уезжают и которых хорошо накормили и хорошо обслужили.

Роланд уже нашёл экономку и повара. Нашёл старшую официантку.

— Отличная женщина. Остаются горничные — одна из главных проблем. Нужны два носильщика. Один у меня уже есть, старший. Правда, сможет приступить только в феврале.

Роланд ненадолго замолчал. Эта пауза сама всё объясняла.

— Здесь есть немного сентиментальности. Бак — мой первый носильщик. Бывший старшина. Там, на войне, он спас мне жизнь. Я ему должен — должен дать шанс. Он его получит. А дальше всё будет зависеть от него самого.

Лицо и глаза Роланда стали жёстче.

— Я не дурак, Соррелл. Вы знаете, что такое война и что значит управлять людьми. Одной мягкостью ничего не добьёшься. В Баке я не уверен, но шанс он получит.

Он посмотрел прямо на Соррелла.

— Ну так что? Я за вами наблюдал. Почти ничего о вас не знаю, зато кое-что знаю о людях. Если считаете, что моя работа лучше той, что у вас сейчас…

Соррелл сидел неподвижно, сцепив руки между коленями.

— Подождите. Я расскажу вам свою историю. Мне почти нечего в ней стыдиться.

И он рассказал. Потом сказал:

— Вот и всё. Моя работа — это работа ради мальчика. Она держит меня на плаву, как киль. Она мой якорь. Если вы дадите мне этот шанс, я сделаю всё, чтобы вы не пожалели.

— Вторым носильщиком?

— Я понимаю. И многому уже научился… там.

Роланд улыбнулся.

— Во всяком случае, вы узнали, как делать не надо. Но помните: это приключение. Я могу прогореть. Мне нужны люди…

Соррелл серьёзно кивнул.

— Я понимаю. Вам нужны помощники, а не просто наёмные работники. Я буду помощником. Вы дали мне шанс… шанс выбраться из ада. Я благодарен.

Они крепко пожали друг другу руки.

— Благодарность! Говорят, благодарность — добродетель рабов.

— Тогда назовём это доброй волей, мистер Роланд.

— Вот это именно то, что нужно.

3

Пересекая Рыночную площадь, Соррелл остановился возле рыночного креста и оглянулся на собор и окружавшие его деревья. Он был счастлив. Не просто счастлив — необыкновенно счастлив. Радовало его не только внезапно возникшее человеческое отношение, открывшееся между ним и Роландом. Было ещё и чувство почти гордого удовлетворения собой. То, что Роланд предложил ему работу, словно резким движением вернуло Сорреллу часть утраченного самоуважения. Какая разница, что это за работа? Он был гостиничным носильщиком. И оказался хорошим гостиничным носильщиком.

Он вложил в эту работу собственную человеческую порядочность, выдержал боль, усталость и унижения — и однажды кто-то пришёл и сказал: «Вы — тот человек, который мне нужен». Соррелл мельком посмотрел на закрытую лавку старого Верити и пошёл дальше. Он направлялся к сыну. Хотел сказать: «Мне предложили работу получше». И сам до смешного гордился этой простой фразой. После заката над глубокими тенями старых улиц ещё висело жёлтое сияние, и этот свет удивительно соответствовал его собственному настроению. Второй носильщик в «Пеликане» в Уинстонбери! С Палфри покончено. Теперь он будет работать на человека, которого уважает, которому доверяет — и даже больше, чем просто доверяет.

Флетчерс-лейн лежала в тени, а над крышами светилось бледное лимонно-голубое небо. Под нависающим этажом старого тюдоровского дома Соррелл увидел маленькую фигуру. Кит ждал его. Стоял внимательно и настороженно, словно каким-то образом уже почувствовал перемену в их судьбе.

— Привет, сын!

Кристофер посмотрел на отца. Ему показалось, что плечи Соррелла стали прямее, а лицо — крепче и живее.

— Я нашёл работу получше, Кит. Мистер Роланд открывает новую гостиницу. Мы едем туда.

Лицо мальчика озарилось.

— Он сам предложил тебе, папа?

— Да.
Кристофер придвинулся ближе к отцу.
— Он понимает, — сказал мальчик.
Соррелл улыбнулся.
— Ещё один шаг к нашему плану.

ГЛАВА VII

1

Сорреллы покидали Стонтон так, словно уходили под барабанный бой и развевающиеся знамёна, а их маленький старый чемодан, заново перетянутый ремнями, катился к вокзалу на ручной тележке. «Ангел» сам выбросил их за порог. Соррелл вошёл в клетку Львицы и сообщил:

— Я получил другое место, мадам.

Флоренс пристально посмотрела на него.

— Вот как! Очень хорошо.

— Я могу продолжать работать у вас до тех пор, пока…

— Значит, между местами будет промежуток? Нет. Я так не делаю. Убирайся сегодня же.

Она назвала его дураком. Соррелл ушёл, даже не попросив полагавшихся ему денег, и впоследствии нисколько об этом не пожалел. Он собрал вещи, вышел через чёрный ход и отправился на Флетчерс-лейн. Миссис Бартер накормила его ужином, а ночь он провёл в постели Кита. Утром у двери дома номер тринадцать появился мистер Роланд.

— Вы как-то внезапно ушли.

— Я счёл справедливым сразу предупредить миссис Палфри, сэр. Она меня выгнала.

— И что теперь собираетесь делать?

— Я думал поехать в Уинстонбери и пожить там до того времени, когда вы примете гостиницу.

— Справитесь?

— Да.

Роланд не предложил денег. Соррелл не намекнул, что они ему нужны. И оба остались довольны этим. Ни один не хотел ни просить, ни позволять другому навязывать помощь. Их отношения с самого начала поднялись над обычным уровнем «хозяин — служащий». В них уже были деликатность, чуткость и взаимное уважение. Роланд достал визитную карточку.

— Вам понадобится комната. Я знаю одну очень порядочную пожилую женщину. Гарланд. Вайн-корт, дом номер шесть, рядом с Бейлигейт. Подождите, я запишу. И ещё: зайдите к портному Блоксому на Ломбард-стрит, пусть снимет мерку и сошьёт вам форму для «Пеликана». Он в курсе. Я лучше дам записку и ему. Вы точно справитесь?

— Совершенно точно, сэр.

— Хорошо. Я сегодня еду дальше, в Бат. Думаю, через неделю или около того буду в Уинстонбери.

В кармане Соррелла оставалось ровно три фунта, два шиллинга и четыре пенса. Всего три дня назад он купил Кристоферу новый костюм, а себе — ботинки и две рубашки. Но теперь его девизом было: «Справлюсь». Он не собирался портить новые отношения с Роландом просьбами о деньгах. Для Соррелла эти отношения уже были дружбой. Пусть он стоял на самой нижней ступени лестницы, но первые перекладины этой лестницы были сделаны из человеческого материала. И он дорожил этой человеческой близостью. Роланд уехал довольный. Он был щедрым человеком, а щедрые люди особенно ценят независимость, которая не пытается воспользоваться их щедростью.

Мир и без того был переполнен просителями — людьми, считавшими своим правом обирать тех немногих, кто оказался сильнее и способнее, а потом обвинять их в том, что им «просто больше повезло». Интерес Роланда к Сорреллу получил ещё одно подтверждение. По натуре весёлый человек, он терпеть не мог нытиков. Соррелл и Кристофер сели в поезд. После двух пересадок добрались до Уинстонбери — города новых усилий и новых приключений. Они

увидели квадратную серую нормандскую башню аббатства, группу буков на Касл-хилл и высокий шпиль церкви Святой Фейт. Старый чемодан оставили в камере хранения. И Сорреллы отправились искать Вайн-корт.

Зелёную дверь в узком фасаде причудливого красного домика с нависающим верхним этажом открыла миссис Гарланд. Соррелл протянул ей карточку Роланда. Чтобы прочесть её, хозяйке пришлось сходить за очками. Очки были круглые, как и её лицо — полное, с высокими скулами и маленьким живым носом, торчавшим в самом центре. Голова её была такой аккуратной, будто принадлежала голландской кукле.

— Заходите.

Да, она могла поселить их и кормить. Рекомендации мистера Роланда было вполне достаточно. Соррелл отправил Кита на улицу и откровенно объяснил хозяйке положение.

— Дело в том, что к новой работе я приступлю только недели через три. Сейчас у меня осталось около двух фунтов. Думаю, будет честно предупредить вас сразу. Но обещаю: всё, что буду должен, выплачу. Эти два фунта могу отдать вам сейчас, а себе оставить только мелочь.

Миссис Гарланд округлила глаза. Жизнь не слишком часто сталкивала её с людьми разных типов, но этот гостиничный носильщик казался необычным. Говорил он как джентльмен. Как настоящий джентльмен. А это, по её мнению, имело значение.

— Думаю, на эти деньги питание устроить можно. Комната — пять шиллингов в неделю, ещё два шиллинга за обслуживание. Значит, через три недели…

— Я буду должен вам двадцать один шиллинг.

— Именно.

— И ещё одно. Мне придётся оставить мальчика на пансионе. Матери у него нет. Он не шумный и не избалованный. Как вы думаете, могли бы вы взять его? Когда устроюсь в «Пеликане», я смогу хорошо вам платить.

— Возможно, — сказала старушка. — В доме только я и моя дочь. Она работает официанткой в «Пеликане», но ночует здесь. Мистер Роланд уже её нанял. Она будет старшей официанткой.

— Я о ней слышал, — сказал Соррелл.

— Вот как?

— Мистер Роланд очень хорошо о ней отзывался.

— Фанни хорошая девушка. Ну что, хотите посмотреть комнату?

— Конечно. Думаю, хлопот мы вам не доставим.

Позвали Кита и поднялись по узкой лестнице в маленькую уютную комнату с низким потолком. Распашное окно выходило в сад. Пол слегка шёл волной, а потолочная балка делила комнату надвое. Мебель была настоящая деревенская, старая — такую теперь чаще увидишь в антикварной лавке, чем в жилом доме. Новым было только простое чёрное железное ложе. На окне висели белые занавески, а белое покрывало на кровати было мягкого цвета лебяжьего пуха. В комнате ощущалось что-то своё — простое, тихое, почти духовное.

Она так резко отличалась от гостиничных комнат «Ангела» с их равнодушным «нравится — живи, не нравится — уходи», что Соррелл почувствовал неожиданное волнение. Почему его так тронула обычная деревенская спальня, он и сам не мог объяснить. Кристофер сразу подошёл к окну и посмотрел в сад.

— Там яблоня, папа.

— И правда.

Миссис Гарланд поправила белую занавеску. Яблоня была сорта «Бленхеймский апельсин» и вся усыпана бледно-золотыми плодами с красноватым румянцем на солнечной стороне.

— Мой муж посадил это дерево. «Бленхеймский апельсин». Ну что, молодой человек, быстро вы его заметили.

Кристофер обернулся. В тоне миссис Гарланд ему почудилось подозрение, будто он уже мысленно карабкается на дерево и готов объесть все яблоки. А Кит всего лишь любовался их красотой и никакой первобытной жадности не испытывал.

— Со мной они в полной безопасности, миссис Гарланд.

— Вот как, дорогой мой? Ну, одно-другое яблоко я не пожалею, только ветки не ломай.

— Но я говорю серьёзно, миссис Гарланд, — сказал Соррелл.

— Господи, да я вижу, что серьёзно.

Соррелл согласился снять комнату. Он сказал, что она ему нравится, достал бумажник и протянул хозяйке две фунтовые банкноты. Миссис Гарланд попыталась вернуть деньги, но Соррелл попросил оставить их у неё.

— Ну, как хотите. Есть можете у меня на кухне, если вас это устраивает. Мне так даже проще.

— Большое спасибо, — сказал Соррелл.

После этого они с Кристофером снова отправились на вокзал за чемоданом. Соррелл уже собирался взвалить его на плечо. Их пожитки весили немного.

— Я уже привык таскать багаж, — сказал он сыну.

Но Кристофер чувствовал себя полноправным участником приключения и настоял, что будет помогать. Так они и вернулись на Вайн-корт, неся чемодан вдвоём. К чаю миссис Гарланд приготовила яйца с беконом. Все трое уселись за кухонным столом и очень быстро почувствовали себя одной компанией. А за окном в послеполуденном солнце сияла яблоня.

4

Однажды мистер Роланд появился совершенно неожиданно. Сорреллы возвращались после очередного своего «государственного совета» на Касл-хилл и увидели красный автомобиль, стоявший у входа в Вайн-корт. Сам Роланд сидел в гостиной миссис Гарланд, а хозяйка рассказывала ему о Сорреллах и о том, что согласилась оставить мальчика у себя.

— Так он уже всё устроил?

— Да, сэр.

Роланд почувствовал облегчение. Он твёрдо решил не оказывать никому особых привилегий и наполовину ожидал, что Соррелл попросит разрешить Кристоферу жить вместе с ним в «Пеликане». Решение Соррелла избавило его от необходимости отказывать. Роланд прекрасно знал собственную слабость — слишком чувствительное добродушие. Он взял Кита за руку.

— Ну что, молодой человек, готовишься к школе?

— Я пойду в муниципальную школу, сэр.

— Вот как? А я слышал, ты уже лазил на яблоню миссис Гарланд.

— Только один раз, сэр. И она знала.

Все трое взрослых рассмеялись. Кит недоумевал почему. Роланд остановился в «Пеликане» и взял Соррелла с собой, чтобы показать ему гостиницу. В саду они проходили через арку в одной из тисовых изгородей, когда Роланд остановился.

— А что вы собираетесь делать с мальчиком?

— В каком смысле, сэр?

— Школа.

— Муниципальная. Он сам решил. Я думал попробовать определить его в грамматическую школу, но, кажется, мальчик понял…

— Понял?

— Мы договорились о нашем девизе: никакого притворства. В муниципальной школе ему не придётся извиняться за меня.

— Я смотрю на это немного иначе, но мальчик прав. Знаете, Соррелл, я вам даже немного завидую.

— Он единственное, что у меня есть, сэр.

Они пошли дальше. Роланд остановился возле старой шелковицы, ствол которой пришлось стянуть цепью.

— Не давите на него слишком сильно.

— Я понимаю, о чём вы.

— Образование… Чёртова чепуха по большей части. Здоровые молодые бездельники в итоге нередко добиваются большего. По крайней мере, их индивидуальность не успевают втиснуть в форму. Если бы у меня был сын…

Он улыбнулся Сорреллу.

— Мы, холостяки и старые девы… Но кое-что в этой игре всё-таки видим. Я бы позволил своему мальчику вдоволь играть, научил бы его боксу и не стал бы набивать ему голову фактами. Пусть развивается естественно. Позже дал бы ему лучшего наставника, какого только можно найти.

— А профессия?

— Оставил бы выбор естественному влечению. У чистого, прямого мальчика, которого растили здраво, это влечение обязательно должно проявиться. Разве нет? А потом — пусть идёт вперёд. И пусть идёт как бешеный.

Так пришла осень. Кристофер пошёл в школу. А Соррелл в синем мундире с латунными пуговицами начал таскать багаж вверх и вниз по лестницам «Пеликана». Теперь он носил его легче, чем когда-то в «Ангеле» в Стонтоне. Потому что сердце стало легче. Новый мир был добрым благодаря человеку, который им управлял. Соррелл подкладывал поленья и уголь в камин холла и сам чувствовал исходившее от огня тепло и веселье. В саду старые деревья великолепно окрасились, а яркая трава была усыпана золотыми листьями. Одно из самых приятных воспоминаний Соррелла относилось к тихому октябрьскому вечеру. Он шёл по саду на закате. Пели малиновки.

Из окна гостиной доносилась музыка. Роланд играл Первую прелюдию Шопена. Косые лучи солнца проходили сквозь деревья. И пели малиновки.

ГЛАВА VIII

1

Последовала зима напряжённой подготовки. Поток туристов на дороге почти иссяк, и «Пеликан», который как раз облачался в новое оперение, был рад этой передышке. Как и предполагал Соррелл, мистер Роланд наложил руку на старые георгианские конюшни и присоединил их к главному зданию. Перестройка дала десять новых спален и помещения для персонала. Строился новый гараж. На маленьком лугу собирались устроить два теннисных корта и площадку для крокета. У Роланда на всё были свои идеи. Одним из первых решений он уничтожил общий бар и присоединил освободившееся помещение к гостиной. Коммивояжеров — именно как коммивояжеров — решили больше не принимать.

Старая коммерческая комната превратилась в карточную и курительную. Всю гостиницу предстояло заново отделать, значительную часть мебели заменить, постелить новые ковры. Цветовые решения Роланд продумывал сам. Он верил в большое количество удобных кресел и в атмосферу богатой, приятной простоты. Фарфор должен был быть простым белым, с тёмно-синей и золотой каймой. Спальни оформлялись в чёрно-бело-оранжевой гамме или в белой с вишнёво-розовым. В гостиных Роланд использовал мягкие голубые и зелёные тона с оттенками пурпурного и старой розы. Всю уродливую и бесполезную мебель выбрасывали. Установили две новые ванные комнаты.

Рядом с конторой гостиницы устроили небольшую библиотеку. Но одной из самых практичных новаций Роланда было отношение к персоналу. Главных работников он рассматривал как товарищей по общему делу. Он добивался сотрудничества и будил в них азарт. В его гостиной проходили необычные маленькие патриархальные совещания, которые Роланд смеясь называл:

— Мой Совет.

В него входили экономка миссис Маркс, старшая официантка Фанни Гарланд, кухарка миссис Лавибонд, Соррелл и садовник Боуден. Перед ними Роланд представал откровенным, спокойным и вдохновляющим хозяином.

— Это наше дело. Полагаю, мы все хотим, чтобы оно удалось. И все от этого выиграем. Мне нужны предложения. Всё, что поможет повысить эффективность, удобство или устранить ненужную работу. Я хочу сделать «Пеликан» самой знаменитой придорожной гостиницей к югу от Темзы. Чтобы на вопрос: «Где остановиться?» — отвечали: «В „Пеликане“ в Уинстонбери. Ничего лучше нет».

Через месяц весь персонал уже был у него в руках. У Роланда был необыкновенный дар убеждения. Дело было в его личности, в спокойной, размеренной доброжелательности и в том, что он заранее относился к каждому как к человеку заинтересованному и способному. Он никогда не суетился. И обладал удивительно приятным, успокаивающим голосом. Женщины бегали для него как счастливые рабыни. Он обращался со всеми словно с дамами. Если они и не говорили этого вслух, то каждая считала его настоящим джентльменом. Миссис Маркс, маленькая тёмная женщина, бесшумно скользившая по гостинице, смотрела на него глазами умной собаки. Фанни Гарланд, крупная, весёлая и светловолосая, распространяла вокруг себя атмосферу улыбающейся деловитости.

Язык у неё был быстрый и философский.

— Грязная вилка никому не нужна. Разве не приятно посмотреть на двадцать белых, сверкающих столиков и знать, что нигде нет ни одного пятнышка, которого пришлось бы стыдиться? Если уж делать работу… А ещё подумайте о чаевых, девочки!

Боуден, садовник, человек довольно угрюмый, постепенно оттаял, как земля под солнцем после мороза. Роланд дал ему крепкого молодого помощника, на котором тот мог упражнять свой язык и страсть к суровой основательности.

— Идея такая, Боуден: овощами мы должны обеспечивать себя сами.

— Земли маловато, сэр.

— Получите ещё. Я буду учитывать рыночную стоимость всех овощей, которые вы вырастите. А от результата вам пойдёт процент.

И широкая, почти обезьянья спина Боудена энергично сгибалась над лопатой. Для Соррелла эти зимние месяцы были временем постоянного ободрения. У него была хорошая еда. Чистая постель. Его не загоняли работой. Кит был счастлив у миссис Гарланд и не слишком несчастлив в муниципальной школе. А главное — работа стала интересной. Соррелл служил человеку, который ценил внимание к деталям и умел замечать добросовестность. И всё большее значение приобретали человеческие отношения. Между Томасом Роландом и его вторым носильщиком установилось спокойное, прочное взаимопонимание. Роланд разговаривал с Сорреллом чаще, чем с кем-либо из остальных.

И Сорреллу неизменно казалось, что их разговоры проникают глубже поверхности — к настоящей сути вещей.

— В конце концов, — говорил Роланд, — человеку нужна работа. И главное именно работа. Не столько то, что он делает, сколько как он это делает. По крайней мере, мне так кажется.

Он давал Сорреллу понять, что уважает и его самого, и его труд.

— Нужна цель, сэр.

— Конечно. А все эти милые люди, которые хотят срыть социальные холмы и превратить общество в плоский школьный двор… Нет, ничего хорошего из этого не выйдет.

Работа продолжалась. Внутренний порядок «Пеликана» устроили так, чтобы немногочисленных зимних постояльцев можно было принимать даже во время перестройки. Роланд тратил огромные деньги. Соррелл видел результат: просторные уютные комнаты, большие кресла, ковры богатых оттенков, чистая краска и свежие обои, ряды светлых удобных спален, ухоженный сад, безукоризненно чистая новая кухня, облицованные белой плиткой ванные и кладовые, бельё, столовое серебро — сотни приятных мелочей. Но окупится ли «Пеликан»? Не подавил ли Роланд-музыкант и художник Роланда-хозяина гостиницы? Эта мысль беспокоила Соррелла. Он уже настолько отождествлял себя с «Пеликаном» и со всем, что он означал…

Поэтому Соррелл удивился, когда однажды Томас Роланд показал, что заметил его тревогу.

— Думаете, я слишком размахнулся?

— Не знаю, сэр.

Роланд застал Соррелла за тем, что тот экономил уголь и электричество. Соррелл ходил по гостинице и выключал ненужный свет.

— Я поставил на это приключение всё. Либо войдём в гавань, либо утонем. Я собираюсь дать людям лучшее — всё лучшее, что есть во мне. Я ведь не стал бы давать им плохую музыку. Это гордость мастера.

Соррелл смотрел на огонь и очень осторожно подкладывал в него угольные брикеты. Его серьёзность была своеобразной данью дружбе.

— Всегда хочется верить, сэр, что если отдаёшь лучшее, что в тебе есть…

— Я именно в это и верю. В конце концов, для нас самих это должно значить больше всего. Если лучшее не окупается — значит, не наша вина.

— Не все люди такие щедрые, сэр.

— Я не щедрый, дружище. Просто не умею делать дело кое-как. Даже если речь всего лишь об устройстве и управлении гостиницей. Но всё равно… я это ценю.

Их глаза встретились.

— Научное построение камина, Стивен!

Роланд улыбнулся.

— Вы так стараетесь из-за совести?

— Отчасти. Есть ещё одна причина.

— Кажется, я знаю. Мы с вами каким-то образом оказались связаны — и сердцем, и кошельком. Что ж, я бы не хотел иначе.

2

Другой заботой Соррелла был неизбежный приезд Джорджа Бака. Бывший сержант-майор словно заранее отбрасывал на его жизнь тяжёлую тень. В воображении Соррелла он представлялся белокурым властным зверем — громогласным, грубым, тяжёлым, почти слоноподобным. Бак. Даже фамилия ему не нравилась. Слишком мужская. Слишком американская по звучанию. Соррелл понимал, насколько нелепо тревожиться из-за человека, которого он ещё ни разу не видел, и всё же то и дело ловил себя на том, что мысленно рисует будущего старшего носильщика. Каков он? Крупный, мускулистый, с животом, громким голосом и светлыми усами? Будет командовать им?

Соррелл начал не любить Бака за несколько недель до знакомства. Неприязнь была инстинктивной. Джордж Бак мог угрожать его безопасности, нарушить ту спокойную, приятную жизнь, которую Соррелл уже связывал с «Пеликаном». Мог вмешаться в маленькую систему порядка и эффективности, которую второй носильщик постепенно создавал вокруг себя. Да и чаевые. Сержант-майор вполне мог забирать себе сержант-майорскую долю. А чаевые у Соррелла шли неплохо даже в эти тихие месяцы перестройки. Он быстро откладывал деньги. У него уже появилась сберегательная книжка Почтового банка. Но предчувствие относительно Бака не сводилось к ревности собаки, которая боится, что более крупный пёс отнимет кость.

Словно чувствительная часть его натуры заранее предупреждала, что появление этого человека изменит атмосферу гостиной, багажной, лестниц и помещений для персонала. Бак отбрасывал тень. Тень чего-то огромного, волосатого и угрожающего. Даже вечерние блики огня, метавшие по гостиной крупные тени, порой вызывали у Соррелла это тревожное настроение. Или ночной ветер, бивший в окна. Он боролся с собой. Предчувствие превращалось в навязчивую мысль, точно обезьяна, вцепившаяся когтями в затылок. Примерно за неделю до приезда старшего носильщика Соррелл заставил себя заговорить с Роландом. Тот сидел за пианино, а Соррелл вошёл с ведром угля.

— Полагаю, сэр, когда приедет Бак, мне придётся выполнять его распоряжения?

Роланд оторвался от клавиш.

— Да. Я ведь говорил вам. Бак будет отвечать за эту часть работы. Так справедливо, Стивен.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Он, в общем, неплохой человек. Правда, я знал его только как сержант-майора. Но хочу дать ему шанс.

Сорреллу показалось, что сам Томас Роланд тоже сохраняет по отношению к Баку какие-то внутренние сомнения. Он не слишком хорошо знал этого человека. Существовал долг — или то, что Роланд считал долгом. Соррелл решил промолчать.

— Я постараюсь во всём ему помогать, сэр.

— В этом я не сомневаюсь. Что касается меня, Стивен, человек либо доказывает свою состоятельность, либо сам перерезает себе горло. Я умею наблюдать.

Роланд начал играть Дебюсси. Соррелл осторожно, почти беззвучно подложил уголь в камин и вышел. «Делай свою работу и держись, — сказал он себе. — Каков бы ни оказался этот человек, я не позволю ему заставить меня перерезать собственное горло».

3

Бывший сержант-майор Бак приехал к «Пеликану» в гостиничном автобусе. На нём был котелок и синее пальто с бархатным воротником. С собой он привёз добротный кожаный чемодан и большой дорожный сундук. Соррелл вышел встречать автобус. На несколько мгновений он застыл, глядя, как из дверей появляется огромная синяя спина. Фигура выпрямилась, повернулась. Перед Сорреллом возникло лицо, похожее на круг сырой говядины, а в нём — два голубых камешка глаз.

— Подхвати-ка, парень.

Бак протягивал ему чемодан. Соррелл очнулся и взял его.

— Вы мистер Бак?

— Он самый. А ты, значит, тот парень, что будет у меня в подчинении?

Соррелл кивнул. Его почти затошнило. «У меня в подчинении». Да. Эти два слова, по его ощущению, идеально описывали всё положение. Человек оказался именно таким, каким его рисовали страхи Соррелла: большой, краснолицый, весь живот, голос и светлые усы.

— Вон тот сундук тоже сними.

— Хорошо.

Голубые глаза Бака на мгновение задержались на нём. Бак уловил в Соррелле нечто похожее на ту молчаливую дерзость, с какой рядовой солдат ненавидит начальника, не решаясь сказать это вслух. И Бак был куда менее туп, чем казался. «Молчит, а сам дерзит. Значит, такой ты тип? Ну, посмотрим». В этот момент появился Томас Роланд. Бак щёлкнул каблуками коричневых ботинок и отдал безукоризненное гвардейское приветствие. Большая рука чуть дрогнула.

— Прибыл доложиться, сэр.

Роланд улыбнулся и протянул руку.

— Рад вас видеть. Прямо как в старые времена, Бак. У нас здесь ещё один бывший военный — Соррелл.

Соррелл тем временем боролся с тяжёлым дорожным сундуком сержант-майора. Ни один предмет багажа он ещё никогда не ненавидел так сильно. Он чувствовал взгляд Бака.

— Справишься?

— Да, спасибо.

— А по виду не скажешь. Хлипковат.

Бак вошёл в гостиницу вместе с мистером Роландом.

4

За зимние месяцы Соррелл успел познакомиться со множеством книг. Комната Роланда была ими переполнена, и он разрешал Сорреллу брать их. Читал Соррелл самое разное: Шоу, Эдварда Карпентера, Мориса Хьюлетта, историю Уинстонбери и окрестностей, путеводитель Мишлен. Он завёл записную книжку. В неё заносил расстояния от Уинстонбери до всех заметных мест в радиусе ста миль. Знал все гостиницы. Каждый день заходил в гараж и расспрашивал шофёров о состоянии дорог.

Если какой-нибудь путешествующий на собственной машине постоялец просил совета, Соррелл испытывал почти профессиональное удовольствие, когда мог без запинки выдать точные сведения.

— Куэндон, сэр? Сорок три мили. Через Лэнгтон — сорок семь. Но лэнгтонская дорога сейчас лучше. На другой, возле Фоксли, прокладывают новый водопровод.

Или:

— Холмдейл-хаус, сэр? Открыт по четвергам с десяти до двенадцати. У ворот нужно предъявить карточку. Итальянский сад и Ван Дейки стоят того, чтобы посмотреть. Хотя вы, конечно, это и так знаете, сэр.

В одной из книг Роланда Соррелл прочёл, что по мере усложнения человеческого сознания меняется и поле вечной борьбы. Когда-то человек сражался с внешними силами и другими людьми. Теперь главная битва происходила внутри него самого. Соррелл одновременно соглашался и не соглашался. В его случае борьба была двойной. Приходилось сражаться с самим собой — с той более первобытной частью собственной природы, которая хотела впадать в ярость, отчаиваться, становиться угрюмой или циничной, искать утешения у женщины. Но и внешние силы никуда не исчезли. Существовал багаж. И существовал бывший сержант-майор Бак. С самого начала между ними началась молчаливая война.

Это было совершенно естественно. Каждый видел в другом воплощение всего, что терпеть не мог. Соррелл был умом. Бак — голосом. Цель одного находилась лет на двадцать впереди. Цель другого была здесь и сейчас — удовлетворить самые грубые желания. Противоположности их не притягивали. Они отталкивали друг друга. Борьба началась немедленно, хотя внешне никакой борьбы словно и не было. Бак, как многие люди его типа, обладал немалой хитростью. Он умел заискивать. По гостинице ходил с видом громогласного добряка.

— Ну-ка, парень…

Управление он взял в свои руки с первого же дня. Ни у кого не должно было возникнуть сомнений, кто здесь старший носильщик, а кто второй. Его массивное тело энергично перекатывалось по гостинице. Армия научила Бака производить впечатление бурной деятельности, почти ничего при этом не делая. Он работал голосом. Поначалу Бак был с Сорреллом добродушен. Но это было презрительное добродушие — намеренно презрительное. В голубых глазах таилась умная злоба.

Для Бака Соррелл представлял совершенно определённый тип: переученный, скрытный, спорщик, угрюмый, хилый, склонный к неповиновению рекрут. Хитрый. Окольный. Наглый. И к тому же слишком быстрый умом. За таким надо следить. Если Сорреллу был отвратителен самоуверенный громогласный стиль Бака, то молчаливость и сдержанность Соррелла раздражали Бака ничуть не меньше. У Бака имелись собственные оправдания. «Мерзкий, хлипкий, высокомерный тип. Бывший офицер. Я его ещё кое-чему научу. Завидует мне — само собой. Придётся за ним присматривать. Нет, такого человека я бы в подчинённые себе не выбирал. Мне бы какого-нибудь большого добродушного парня — быстрого с чемоданами и не слишком быстрого во всём остальном. Ну да ничего. Я своё дело знаю».

В глубине души Бак уже хотел избавиться от Соррелла. Он понимал: несмотря на худобу и кажущуюся слабость, этот человек — соперник, которого нельзя недооценивать.

5

В маленькой комнате, где Соррелл чистил обувь и щёткой приводил в порядок одежду постояльцев, было окно, выходившее в сад. Когда работы не оставалось, он привык здесь читать. Возле окна стояло старое виндзорское кресло, а миссис Маркс дала ему потёртую красную подушку. Она относилась к Сорреллу гораздо лучше, чем он сам предполагал. От книги можно было поднять глаза и увидеть старые деревья, тисовые изгороди за дорожкой, первые зелёные ростки луковичных на клумбах, куртины фиолетовых и жёлтых крокусов. Однажды днём Соррелл сидел у окна. На колене лежала раскрытая пьеса Голсуорси. Неожиданно раздался голос:

— Смотрю, ты у нас очень занят, Сор'л.

Это была одна из множества мелочей, раздражавших Соррелла. Бак коверкал его фамилию, сокращая её так, что она звучала почти как «Сол». Соррелл даже не услышал, как тот подошёл к двери. Для такого огромного человека Бак умел двигаться удивительно бесшумно.

— Вполне, — только и ответил Соррелл.

Бак вошёл. Его массивная фигура словно заполнила всю комнатушку. Вид у него был как у праведного надзирателя. Увидев книгу, он намеренно протянул руку и снял её с колена Соррелла.

— Почитываем, значит. Ну, такая штука мужчине особой пользы не принесёт. Не кажется ли тебе, парень, что можно было бы найти занятие получше?

Соррелл не двинулся. Но внутри весь дрожал.

— Возможно, вы предложите работу.

Бак бросил книгу на подоконник.

— Слушай сюда. Чтобы никаких недоразумений. Здесь отвечаю я. И свою работу я делать собираюсь, понял? У меня интересы Хозяина на первом месте. Он человек отличный…

Намёк был совершенно ясен. Но Соррелл удержал себя. Он не собирался раскрываться перед этой громоздкой тварью.

— Согласен. Но это одна из книг мистера Роланда.

— Он сам тебе её дал?

— Да.

Бак многозначительно кивнул.

— Он у нас из мягких. Значит, всё ещё яснее. Глаза открой и найди себе дело. Я не ябеда, но глаза у меня есть. Так что работай.

ГЛАВА IX

1

Соррелл понял, что просто сменил одного зверя на другого. В Стонтоне ему пришлось иметь дело со львицей. В Уинстонбери врагом стал бык. Львицу ненавидели. Бык же был популярен. Это был весёлый, добродушный зверь. За столом для персонала он неизменно занимал место во главе, подтрунивал над женщинами, строил им глазки и всегда оказывался на виду именно тогда, когда быть на виду было выгодно. Он держался так, словно на его плечах покоилась вся гостиница. С постояльцами Бак был исключительно вежлив, особенно с женщинами. И обожал звук собственного голоса. Сотрудницы неизменно называли его «мистер Бак». Несомненно, выглядел он внушительно.

Соррелла даже удивляло, насколько тот всем нравился. Среднестатистической женщине, думал он, нужно одновременно так много и так мало. И всё же Бак действительно соответствовал своей должности. В форме он смотрелся прекрасно. У него было присутствие. Он умел производить впечатление. Встречал людей, выходивших из автомобилей, так, словно перед ним были королевские особы, а он сам — лорд-мэр.

— Позвольте, мадам. Свободные комнаты есть. Обратитесь, пожалуйста, к даме в конторе. С багажом мы сейчас разберёмся. Сол! Багаж.

Бак ждал, пока назовут номер.

— Номер семь, мадам. Первый этаж. Наверху повернёте направо. Багаж будет доставлен немедленно.

И тут его голос менялся.

— Сол! Багаж в седьмой. Живо.

Именно в этом всё и заключалось. Бак был эффективен, вежлив и внушителен, но пользовался более узкими плечами и слабой спиной Соррелла. Если сам он и брал что-нибудь в руки, то это была женская сумочка, фотоаппарат, охапка пледов или зонтов. Тяжёлый багаж доставался Сорреллу. И Бак принимал это как нечто само собой разумеющееся: второй носильщик, мол, и существует для того, чтобы быть вьючным животным. Возможно, так оно и было. Но не до такой же степени, чтобы человеку сломали спину и душу. Соррелл терпел. И молчал. Сначала смутно, а затем всё яснее он понял, что это тоже часть борьбы.

Бак вёл старую сержант-майорскую игру, знакомую любому рядовому солдату: нагружал человека всё больше и больше, сохраняя при этом вид полной служебной законности. Либо тот сломается и станет покорным. Либо сорвётся и сам выдаст себя. Тогда останется только явиться с торжественным лицом: «Простите, сэр, вынужден доложить…» И убедить Хозяина, что ради дисциплины необходимо принять меры. «Будь он проклят, — думал Соррелл. — Я сыграю в его игру и превращу её в свою». Он ничего не менял в своих привычках. Оставался таким же неутомимым — настолько, насколько Бак позволял.

— Не суетись так, парень. Людям не всегда приятно, когда у них всё время под ногами кто-то вертится.

А мистер Роланд? Соррелл гадал, заметил ли Томас Роланд хоть что-нибудь. Видит ли он эту незаметную схватку между двумя ничтожными гостиничными носильщиками? Да с какой стати ему что-то замечать? Большинство людей так поглощены собственными делами, что мелкие человеческие столкновения кажутся им лишь бессмысленным песком в механизме. Соррелл стал гораздо реже видеть Роланда. Бак сумел постепенно проникнуть в его личную комнату — ведь теперь он был ответственным работником. А Соррелла он вытеснял оттуда с грубоватой, добродушной ловкостью. Для такого огромного человека Бак действовал удивительно гладко. Был ещё вопрос чаевых.

Большинство постояльцев уезжало после завтрака. В это время Соррелл надрывался на лестницах с чемоданами, а Бак, словно старший партнёр фирмы, занимался приятной частью дела: помогал дамам садиться в автомобили, устраивал ручную кладь, расправлял пледы. Соррелл появлялся с тяжёлым чемоданом или сундуком, но Бак не позволял ему задерживаться.

— Тринадцатый номер, Сол. Давай быстрее. Здесь я сам.

И Соррелла снова отправляли наверх. А Бак красиво укладывал доставленный багаж и принимал чаевые. Иногда постоялец спрашивал:

— А тот человек, который принёс чемоданы?

У Бака был готов ответ:

— Можете отдать мне, сэр. Мы складываем чаевые вместе.

Разумеется, Соррелл не видел потом ни шиллинга, ни флорина. Бак устроил всё так, что второй носильщик постоянно бегал с вещами, а сам оставался там, где вручали деньги. Доход Соррелла серьёзно упал. Даже в тихий сезон он прежде получал чаевыми около фунта в неделю. Теперь потеря этой суммы была ощутима. В конце концов он заговорил с Баком.

— Нам нужно как-то договориться.

— О чём это?

— Я почти не получаю чаевых.

— Не моя вина, парень. Если люди не дают их тебе, значит, есть причина.

— Полагаю, есть, — мрачно сказал Соррелл.

— Я тебе её скажу. С кислой физиономией серебро из карманов не выманишь.

— В столовой и наверху чаевые складывают вместе.

Бак встретил предложение с оскорблённым достоинством.

— Что? Я должен делиться с человеком, который у меня в подчинении? Ещё чего. Я своё место заработал. Не собираюсь делиться с чистильщиком ботинок.

Соррелл больше ничего не сказал. Но в душе стало горько. Он вступил в один из тех периодов одиночества, когда человеку начинает казаться, будто окружающие перестали видеть в нём отдельную личность. На самом деле это ощущение отчасти рождалось из падения его собственного самоуважения. Соррелла заслонили. И заслонил именно тот тип человека, которого он презирал и ненавидел. Старое чувство неудачи вернулось. Соррелл подавлял себя, всё чаще ходил нахмуренным, замкнутым, погружённым в мрачные мысли. Казалось, в жизни больше нет улыбок. Но, возможно, дело было в том, что он и сам перестал улыбаться людям. А улыбка — это вспышка жизненной силы.

Ему казалось, что его игнорируют, хотя отчасти он сам прятался за стеной угрюмой сдержанности. Мистер Роланд по-прежнему играл Шопена. По-прежнему ходил по гостинице спокойный, свежий, неторопливый, всегда готовый сказать приятное слово и замечавший многое так, что никто не понимал, что он наблюдает. Однажды утром он заговорил с Сорреллом.

— Вы хорошо себя чувствуете, Стивен?

— Вполне, сэр.

— Мне показалось, вы устали.

— Нет, сэр. Всё в порядке.

Роланд не стал расспрашивать дальше.

— Возьмите сегодня лишний час отдыха. Пойдите куда-нибудь с мальчиком.

— Благодарю вас, сэр.

И тут Соррелла потряс внезапный поток низких подозрений. Наверняка это тоже дело Бака. Он уже нашёптывает Роланду, будто Соррелл не справляется, слишком слаб для тяжёлого багажа. И Роланд ему верит. Не замечает того, что происходит прямо у него под носом. Соррелл попытался прогнать эти мысли, но он был всего лишь человеком. Когда представилась возможность, он воспользовался ею. В конце концов, если у тебя есть враг, разведка вполне

оправданна. Соррелл увидел, как Бак вошёл в комнату Роланда, и нашёл себе занятие прямо за дверью — принялся что-то полировать. Разговор был слышен.

— Что с Сорреллом? Сегодня утром он показался мне больным.

— Не знаю, сэр. Но дело в том… Мне, конечно, не хотелось бы…

— Я предпочитаю откровенность, Бак.

— Не думаю, что он годится для этой работы, сэр. Ему бы за конторой сидеть.

— Сил не хватает?

— Вот именно. Я, конечно, свою долю работы выполняю…

— В этом я не сомневаюсь, Бак. Я сказал Сорреллу взять сегодня лишний час отдыха…

Соррелл бесшумно отошёл. Его душила ярость. Лжец! И почти такое же раздражение он почувствовал к самому Роланду — за то, что тот принимает ложь за правду. Значит, великий мистер Роланд оказался не таким проницательным и мудрым, каким Соррелл его считал. Но тут он остановил самого себя. «Не будь подлецом. Терпи. Если не выдержишь, этот человек победит. Думай о мальчике».

2

Кристофер оставался его убежищем. Его тайной силой. С восьми до девяти вечера Соррелл был свободен, а через воскресенье получал ещё половину дня. Кит приходил навстречу отцу по дороге, и по мере того как вечера становились длиннее, они уходили немного в поля или поднимались на Касл-хилл и минут двадцать сидели там, разговаривая. О школе Кристофер рассказывал мало. Но стоило голосу отца стать более доверительным, как мальчик словно перепрыгивал сразу на два-три года вперёд и переводил разговор в будущее.

— Мне кажется, я хотел бы стать инженером, папа.

— Каким инженером?

— Ну… что-нибудь проектировать. Недавно я был на электростанции. Меня сводил Берт Ламли. Его отец заведует динамо-машинами.

— Электричество — удивительная вещь.

— Оно как будто живое. Оно есть, а увидеть его нельзя. Как кровь, которая движется внутри тебя, папа.

— Значит, тебе хотелось бы работать с живыми вещами?

— Да. Наверное.

Но однажды вечером Кристофер не появился на дороге. Когда Соррелл пришёл в дом на Вайн-корт, он увидел сцену, от которой внутри всё похолодело. Кит и миссис Гарланд находились в маленькой мойке. Голова мальчика была наклонена над раковиной. Вода окрасилась красным. Миссис Гарланд промывала ему лицо губкой.

— Эй! Что случилось?

Кит попытался что-то пробулькать, но ответила хозяйка. Она была сердита.

— Этот мерзкий Блайкрофт. Вечно мучает кого-нибудь. Схватил кошку, а наш Кит, конечно… Ну, Блайкрофт на два года старше и здоровенный молодой дикарь.

— Я всё-таки один раз ему попал, — сказал Кит, на секунду увернувшись от губки.

И вдруг расплакался. Он не объяснял своих слёз. Но Соррелл понял. И сердце его сжалось от ярости и нежности. Мальчика мучил стыд поражения от того, кого он презирал. Чувствительность корчилась под тяжестью грубой силы. Разве Соррелл сам не понимал этого? Разве не терпел то же самое? Если бы его собственная вражда с Баком однажды превратилась в обычную драку, тот раздавил бы его точно так же, как уличный хулиган раздавил Кита. Соррелл погладил усы.

— Нужно что-то с этим делать.

По дороге назад он всё думал над одной и той же древней задачей: как ум способен победить грубую силу.

ГЛАВА X

2

Поток постояльцев всё возрастал. К нему добавилось немало американцев, приезжавших поклониться месту рождения одного из своих великих соотечественников. Сорреллу казалось, что его борьба достигла критической точки. Он трудился как Сизиф, но, в отличие от героя мифа, всё-таки доталкивал свой камень до цели. Он задыхался, обливался потом. Иногда рубашка промокала так сильно, что приходилось идти переодеваться. Багаж словно ожил. И ожил злобно.

Он сопротивлялся, причинял боль, прищемлял пальцы, бил по плечам. Несколько раз Соррелл падал и лежал, вцепившись в какую-нибудь торжествующую ношу, перекатываясь вместе с ней по полу или на тёмном повороте лестницы. Он пытался тащить вещи вверх за ручки, пока однажды Бак не застал его за этим.

— Эй! Хорошенькое дело для новых ковров. Так багаж не таскают, парень. На плечо его.

Соррелл вспыхнул.

— А почему бы вам не помочь мне, вы…

— Без дерзостей. Если не справляешься с работой — так и скажи.

И Бак стоял, наблюдая, как Соррелл взваливает сундук на плечо и, шатаясь, поднимается по лестнице. Однажды к гостинице подъехала дама на автомобиле размером почти с океанский лайнер. Сзади был привязан громадный дорожный сундук. Дама вошла в гостиную, где её встретил старший носильщик. Ей требовался номер-люкс. Номер она получила и распорядилась немедленно доставить багаж наверх. Соррелл отвязывал огромный чёрный сундук, обитый железом и весь заклеенный ярлыками, когда появился Бак.

— Какой номер?

— Тридцать пятый.

— Третий этаж!

Они посмотрели друг на друга. Соррелл прекрасно понимал, что тащить эту махину одному — безумие. Но просить своего врага о помощи не собирался.

— Хорошо.

На лице Бака появилась ухмылка. Он взялся за один конец сундука и помог донести его до лестницы. А там отпустил.

— На вид тяжелее, чем есть. Тащи быстрее. Эта дама из тех, кто любит, чтобы всё делали бегом.

Соррелл ничего не ответил. Ему казалось, что он стоит накануне собственного Ватерлоо. Он попытался взвалить сундук на спину. И словно желая окончательно убедиться, что Соррелл не выдержит, Бак помог нагрузить его.

— Вот так. Теперь вверх.

Первый пролёт Соррелл преодолел. Но к первой площадке сердце уже бешено колотилось. Ему казалось, что грудь сейчас разорвётся. Он попытался осторожно опустить сундук, но тот качнулся, вывернул запястье и ударил металлическим углом по лодыжке. И тут Соррелл увидел красное. Эта проклятая тяжёлая, неподвижная туша вдруг стала для него символом всей жизни — Джорджа Бака и всей жестокой, тупой силы, которая словно только и ждала, когда сможет сломать его. Соррелл набросился на сундук. Он протащил его половину второго пролёта, дёргая, толкая, переворачивая с безумной яростью. На середине сундук застрял. Пытаясь сдвинуть его, Соррелл поскользнулся и ударился головой о край.

— Будь ты проклят!

Он схватился за голову. И внезапно разрыдался. Дико. Бессильно. Соррелл не увидел лица, показавшегося над перилами второго этажа — потрясённого и исполненного сострадания. Через мгновение кто-то уже спускался к нему.

— Можно подумать, некоторые люди путешествуют вместе с собственными гробами.

Соррелл яростно поднял голову.

— Что?.. Гробами?.. Я поскользнулся… Я сам дотащу эту проклятую штуку…

— Подождите, я помогу.

— Не надо! Господи, отойдите, миссис Маркс!

Он снова вцепился в сундук. Соррелл рвал, толкал его вверх, оставляя на стене длинный шрам. Миссис Маркс отступала перед ним, испуганно наблюдая за этим исступлением. Он выглядел как человек, штурмующий пролом в крепостной стене: рот перекошен, глаза вылезают из орбит, дыхание рвётся. Проклинать уже не было сил. Соррелл перевернул сундук ещё раз, ещё раз и наконец вытолкнул его на площадку. Ноги подогнулись. Он поспешно сел прямо на побеждённый сундук.

— О господи…

— Опустите голову, Стив, — сказала миссис Маркс.

Соррелл уронил голову между колен. Экономка сбегала в одну из комнат и вернулась со стаканом воды. Она стояла рядом, легко положив ладонь ему на плечо.

— Выпейте, Стивен. Так больше продолжаться не может. Я сейчас спущусь и всё скажу этой горе лени…

Соррелл поднял мертвенно-бледное лицо и попытался улыбнуться.

— Нет, пожалуйста. Я просто потерял самообладание. Я дотащу его. Через минуту всё будет хорошо.

— Пейте. Если уж решили себя убить…

Рука со стаканом дрожала.

— Лучше погибнуть, чем сдаться ему.

— Вот ещё! Я помогу вам с этим сундуком. Какой номер?

— Тридцать пятый.

И она действительно помогла. Маленькая женщина обладала железной решимостью. Вдвоём они подняли «чёрный гроб», как назвала его миссис Маркс, на последний пролёт и дотащили по коридору до тридцать пятого номера. Соррелл постучал. Дама разрешила войти. Она ждала.

— Я уже решила, что вы уснули вместе с ним.

Соррелл втащил сундук в комнату.

— Он довольно тяжёлый, мадам.

Дама вручила ему шесть пенсов. Эти шесть пенсов показались Сорреллу почти издевательством. Он вышел, крепко сжимая монету в кулаке, собираясь показать её миссис Маркс, но та уже исчезла. Спускаясь, Соррелл остановился перед царапиной на стене, которую оставил металлический угол сундука. Обои были тускло-красными. Он задумался. Немного алебастра и красных чернил… Шрам на стене был раной. Но раной почётной. Внизу, в холле, Соррелл увидел Джорджа Бака, просунувшего голову в окно конторы и разговаривавшего с мисс Мёрдок. На макушке между двумя красными торчащими ушами виднелось розоватое облысевшее пятно. Соррелл принялся приводить в порядок газеты и журналы.

Он ждал, когда Бак заметит его и задаст очевидный вопрос. Ответ был готов. Через некоторое время массивная синяя фигура отступила от окна. Бак увидел Соррелла — всё ещё занятого работой. Весёлый блеск исчез из его глаз. Он уставился на него.

— Дотащил в тридцать пятый, Сол?

— Дотащил.

Соррелл обернулся и улыбнулся ему странной, искривлённой улыбкой. И увидел: его враг растерян.

3

Мэри Маркс постучала в дверь комнаты мистера Роланда.

— Войдите.

Роланд сидел на табурете у пианино, положив загорелые руки на клавиши. За его спиной было распахнуто окно между шторами цвета старого золота. За окном — полоса травы, две клумбы, полные пурпурных тюльпанов Дарвина, и стволы двух старых деревьев. Казалось, комната и сад сливаются друг с другом. Только старое золото внутри было глубже и насыщеннее жёлтого весеннего света снаружи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.